

С. 2. 1333

С 50

НИКОЛАЙ СМИРНОВ

ОПТИМАЛЬНЫЙ
ВАРИАНТ

0901121960

SIS NIZHNEVARTOVSK

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТ
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

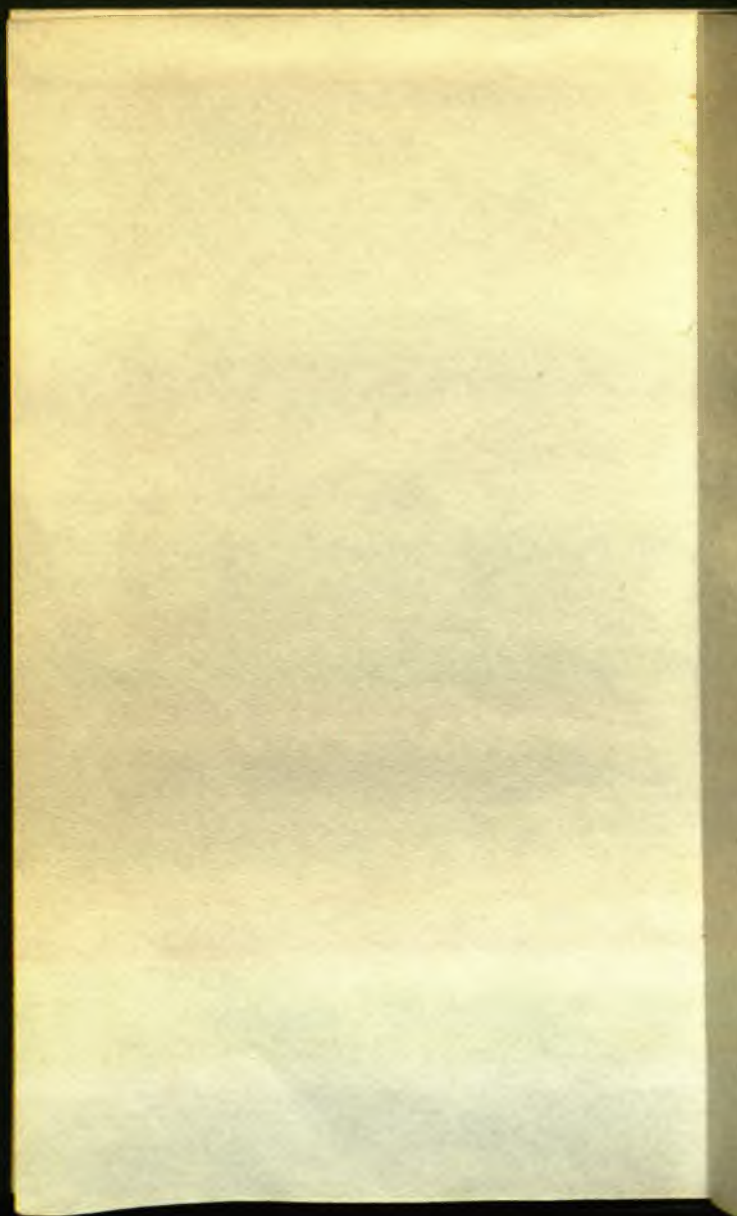
**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

Конец, срок, печать

25.12.88
23.11.88
11.06.88
11.06.88
25.12.88
20.11.88

Суд. т. № 7. 10000 — 10.000.000.

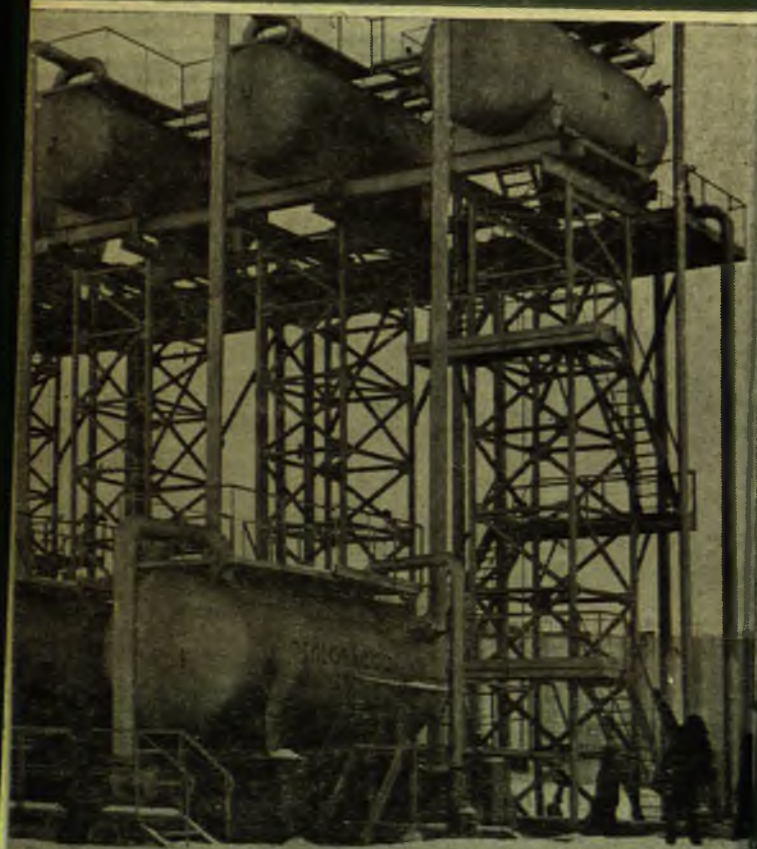

Всего за десять лет мы превратили этот таежный край в главную нефтяную базу страны. Сейчас там разворачивается мощная газовая и химическая индустрия. Не лесные и оленьи тропы характерны теперь для пейзажа Тюменской области, а молодые города, нефте- и газопромыслы, заводы, железные дороги, автомагистрали! А масштабы-то какие! Подумайте только, товарищи: на Оби экономически осваивается и заселяется территория в один миллион квадратных километров.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Из речи на XVIII съезде
ВЛКСМ

65.9(253.3)

С50

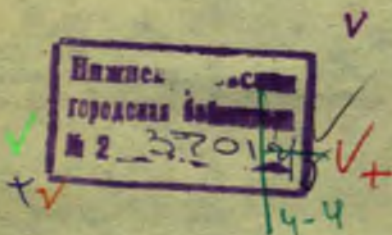
НИКОЛАЙ
СМИРНОВ

ОПТИМАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО 1979

331
С50

Журналист Николай Смирнов живет в Нижневартовске, среди тех, кто осваивает знаменитое Самотлорское нефтяное месторождение. Он — руководитель литературного поста журнала «Сибирские огни», где печатались фрагменты настоящей книги. Герои книги — люди сильных характеров, закаленные суровым Севером.

Смирнов Н. П.
С50 Оптимальный вариант. Свердловск,
Средне-Уральское кн. изд-во, 1979.

136 с.; 16 с. вкл.

Автор — участник освоения Самотлорского нефтяного месторождения. Герои его очерков — известные буровики, эксплуатационники, строители.

С 10903—008
М158(03)—79

© Средне-Уральское
книжное издательство
1979

331

ГДЕ-ТО
„КРАСИВАЯ
ЖИЗНЬ“

До того как оказаться на Самотлоре, я несколько лет строил дорогу Тюмень — Сургут — Нижневартовск. Мы торопили «железку» к нефтяному месторождению, которому потребовались город, аэропорт. Еще многое. И нередко между нами велись разговоры на тему: «Что такое Самотлор!»

— Как что! Месторождение нефтяное,— говорили одни.

— Ах да,— героизм и слава первопроходцев. Энтузиазм и высокие, как это у нефтяников называется, дебиты,— иронизировали другие.

Когда дорога вплотную придвинулась к Нижневартовску и наш лесорубский десант высадился у знаменитого месторождения, я сменил профессию — стал слесарем-превенторщиком в управлении буровых работ № 2 [УБР-2], переместившемся из Урая, с первого в Западной Сибири промышленного месторождения — Шаимского. Наслышан был о нем.

Мне повезло: попал в бригаду Героя Социалистического Труда бурового мастера Анатолия Дмитриевича Шакшина, в прессе именуемого богатырем номер один. Худощавый, с прямой солдатской осанкой, он поначалу показался каким-то бесстрастным и как бы уставшим. Но шажок частый, напористый.

Начав в Урае с 42 тысяч метров годовой проходки, поднялся Шакшин до 72. И это в не знакомых

еще условиях Тюменского Севера, при неотлаженной технологии, когда после каждой скважины буровую демонтировали и передвигали на значительное расстояние. На Самотлоре бурение наклонно-направленное, с одного «пятачка» дырявят по семь-восемь, а то и двенадцать скважин. Такое их средоточие именуется «кустом».

Меня бурмастер едва удостоил взглядом, да и других превенторщиков почти не замечал. Напарников у меня трое: Федя Саблин — небольшого роста, всегда серьезный, обстоятельный; Альберт Крайнев — еще не сносивший флотского бушлата бывший старший матрос, как и я, новичок, недель лишь опередил. Звеньевым у нас Руслан Хажбигаров.

Объяснили назначение превентора. Он — на случай газо-нефтяного выброса. Если разбушевавшаяся стихия вырвется из скважины, смыкают плашки превентора, преграждая путь. От слова превентивный — предупреждающий.

— Задача нехитрая, — повернул звеньевой Руслан. — Бери больше, кидай дальше. Плоское тащи, круглое кати...

— Спина в мыле, сам в растворе, зато на Самотлоре, — подхватил оказавшийся у лебедки бурильщик Михаил Шаталин, и в его по-кошачьи сузившихся глазах заиграли озорнинки.

Всем звеном мы поднялись на верх буровой. У подножия ее — озеро, давшее название месторождению. Вода в нем землистого цвета, густая и клейкая. Самотлор в переводе с хантыйского — Мертвое озеро.

А вокруг мелеют, затягиваются мшагой озера-блюдца, озерца-падошки, как дети от родителя, отпочковавшиеся от Главного озера. Не потому ли иногда называют его Сердцем озер? Полыхают газовые факелы, и буровые вздымаются гигантскими пиками.

Одна так прямо на озеро въехала. К ней отсыпаны песчаная дамба и площадка для самой буровой.

8 Самотлор северо-восточнее Тюмени, в среднем течении Оби. Открыт в шестидесятых годах геофизиками Леонида Кабаева, а первые промысловые скважины связаны с именами безвременно погибшего Степана Повха и Геннадия Левина. На подмогу им прибыли урайцы — буровое управление № 2. Ожила, загрохотала безгласная округа. Замелькало слово Самотлор на страницах газет, журналов, зазвучало по радио и с телеэкранов, с трибун и в правительственных кабинетах.

Его истолковывали то как Мертвое озеро, то как Сердце озер, но суть такова: Самотлор — это нефть, которую предстояло взять.

Предстоял монтаж превентора, но краном нас не обеспечили, и мы воспользовались паузой для путешествия по вертикали. Поизучав панораму, по лестничкам, каждая из которых оканчивалась скругленной площадкой сбоку буровой и напоминала мостик вперёдсмотрящего, спустились на пол буровой.

Упряданный в глухой кожух редуктор, компрессор и прочие механизмы и приспособления — сердцевина буровой. От барабана лебедки устремились вверх витые жилы тросов.

Бурильщик Шаталин басовито подначил:

— Как там небеса!

— В порядке, на болотах тоже, кажется, без перемен, — отшутился Хажбигаров.

— Стоило тогда время на подъёмы-спуски тратить. Рябчики-рябки, потеряй деньки, — не унимался бурильщик. Но мы по длинной маршевой лестнице уже считали ступеньки к земле, не приняв пикировки. До нее ли! Пекуче-горячая жара и от испарений

удушье. Механик Веревкин надрывался у рации в культбудке:

— Диспетчер! Диспетчер! Ты оглох, что ли?

Пока из шумов и тресков эфира не донеслось:

— Диспетчер слушает. Это ты, Веревкин! Сказано, кран у Петрова.

— Сколько можно волынить! — возвысил интонацию механик.

— Не изволь беспокоиться: отправляю АЗИН-маш, — известил чей-то голос с соседнего куста.

— Вот удружил, Кузьмич, — вмиг подобрел, смягчился Веревкин, — а то ведь портянки сушим. В такую-то погоду!

Многозначительно подмигнул.

— Слыхали — с рекордсменом толковал. Петров — он не наш брат шошка-ерошка, даст восемьдесят тысяч, не сомневайся...

Имел в виду сообразительности бурового мастера Григория Кузьмича Петрова. Будто бы когда встал о них вопрос, начальник управления Исянгулов вызвал к себе Шакшина.

— Возьмешься!

— Посоветуюсь с бригадой, — уклонился от прямого ответа Анатолий Дмитриевич. Петров же без колебаний подписался на рекорд. И теперь об этом только и толкуют: Кузьмич-де не мытьем, так катаньем возьмет. В Шаиме, на прежнем месторождении, ему не хватало опыта, теперь его предостаточно, и Кузьмич нажимает вовсю. На равных с первопроходцем Самотлора Геннадием Левиным из первого управления соперничает. Мужик — сила!..

Вот и Веревкин о том же.

Спасаясь от жары, мы уединились в тени культбудки, где все так же разнобойно трещала, переговаривалась на разные лады рация — серый ящичек на столе. Вот чинно, важно проследовал Веревкин.

Широко расставленные под цыганистыми смоляными бровями глаза настороженные, пытливые. Он зорко оглядывает буровую, где орудует вахта Шаталина — четверо крепких, жилистых помбуров.

10

Михаил крупный, громоздкий, кажется, вот-вот зацепит что-нибудь и свалит. Не то чтобы рыж лицом, а неуловимо красноват, сияет кожа. А может быть, это от жары, от горячей работы! Словно раздражаясь от человеческого упорства, утробно-глухо, натужно взрывывал компрессор. Буровая раскалилась от солнца, редкого в нынешнее ненастное лето. Казалось, солнце, пользуясь безоблачностью, наверстывало упущенное — палило вовсю.

— Искупаемся,— кивнул звеньевой в сторону озерца-блюдца, что находилось метрах в ста.

У механика чуткое ухо.

— А если АЗИНмаш пришкандыбает!

— Крикнешь,— Хажбигаров держался с механиком подчеркнуто независимо.

Озерцо лежало в моховой чаше темное, но, странно, насквозь просматривалось. У чаши — ручка: непроточная глухая канавка, и через нее кем-то брошена доска. На другой стороне канавки след костра, пустые банки, удилица — рыбацкое становье.

Здесь мшага круто обрывалась в воду. Альберт взошел на доску и, спружинив, без всплеска скользнул в глубину. Среди тонких, прямых водорослей он смотрелся рыбиной в огромном аквариуме. Едва мы собрались последовать его примеру, как донесся машинный рокоток: кран пришел! Напрямую — трясина не трясина — припустили к буровой, со стороны напоминающей огромную букву «А». Лесенки с площадками-скруглениями вдоль сорокаметрового каркасно-трубчатого сооружения в пустоте света и воздуха смахивали на растянутую гармонику.

Кран теперь был, но вначале звеньевой непонятно медлил и Вережкин едва удерживался от крепких слов: мол, с похмелья, что ли! Когда терпение механика вконец истощилось, Хажбигаров вдруг воспрянул. Споро отдавал распоряжения, сновал как челнок.

Громоздкие выкидá с батареями задвижек, отсека-
телей приобретали компактность, стрельчатость, даже изящество по мере того, как сочленялись трубы и трубки, пульта управления. Аварийный выкид в желоб красиво взметнулся, верша ансамбль, придавая ему законченность.

Хажбигаров уже опробовал основной пульт, звеньевой был в сосредоточенности необыкновенной. Для него это больше, чем просто работа — творчество. Потому и приглядывался, примеривался. Вережкин понял это и не грозил лишением премии, а подхваливал, но мы и без того старались.

Укрепили на торчавшем из земли обрубке трубы — колонной головке — замкнутую прямоугольную коробку с серьгами для ручных приводов и над ним превентор универсальный гидравлический — пузатый, как бочонок. К нему протянули масляные трубки. Поворот рычажка — и гидравлика сомкнет плашки. Ручной превентор, словно усохший, смотрит на мир лукавой, насурмленной физиономией.

Ночью туман затянул пространство, лишив видимости. Электрические огни сквозь завесу сиротливы, тусклы. Казалось, огни зябли во всепроникающей, промозглой сырости болота. Хотелось прикорнуть хоть на минуту, забыться, растаять в благостном сне.

Но мы ожесточенно орудовали ключами и кувалдой, надежней затягивали стыки. Не заметили, как пролетела не по-летнему студеная ночь.

Мало-помалу рассосавшийся туман оставил на стене культбудки темный влажный след. По склону сосновой гривки он сползал плотной пеленой, сворачиваясь в толстый ватный свиток. Раннее солнце стреляло сквозь зелень хвой и казалось тоже зеленым.

12 Неподалеку, за соснами, с яростным гулом сгорал попутный нефтяной газ. Сине-багровое пламя металось на сопле-стояке, истекало неудержимо, завиваясь в невообразимые вихри, пласталось на сторону. От его опаляющего дыхания дымилась мшага, посохли деревья.

Кончив монтаж, присели на трапике у пульта, разговаривались, и я узнал, что большинство наших людей — из Башкирии. Оттуда и начальник управления Абзалитдин Гизатуллович Исянгулов, основатель первой в Сибири конторы бурения — Шаимской, позднее реорганизованной в управление № 2.

Звеньевой Руслан из городка Малгабека Чечено-Ингушетии. После Грозненского нефтяного института подался от родительской опеки подальше. То, что с высшим образованием в рабочих, не диковинка, а со среднетехническим и вовсе сплошь да рядом. Хажбигаров делает невозмутимый вид, но нет-нет да и проскользнет обида:

— Обещали ведь перевести в механики, и ни звука.

У Феди Саблина техникум за плечами.

Еще узнал я, что в Шаиме обходились без превенторов, пока не случился в бригаде Шакшина выброс. Тогда-то и обратились к противовыбросовым установкам. На Самотлоре без них нельзя — недра многопластовые, газовая шапка мощная и ближе к поверхности. Чуть оплошай — и беда. Соответственные к превенторам и требования: не разрешают бурить до сдачи монтажа инспектору, хоть сутки бездействующий буровая вышка.

...Подошел Веревкин.

— Все осмотрели: хомуты, фланцы, гидравлику! Инспектор — воробей стреляный, не проведешь на машине.

— Марафет полный, — для убедительности прицокнул языком Хажбигаров.

Проверка системы на герметичность началась. К выкидам подсоединили опрессовочный агрегат и запустили водный насос в кузове. Доселе неподвижные стрелки манометра вздрогнули, насторожились и, враз сорвавшись со старта, заспешили по белому полю приборов. Пристопорились на девяноста атмосферах. Что и требовалось! Мы вздохнули облегченно, воззрились на инспектора, который, выбравшись из «газика», глянул на манометры, помзучал пульт и в сопровождении Веревкина да Шаталина отправился в культбудку оформлять акт монтажа.

— Домой, — помятил нам из оконца механик.

Не мешкая уместились в кузове агрегата. Встречно и вдогон мчались «Татры», МАЗы, «Уралы», «Ураганы», тракторы «Беларусь», каротажные машины, автобусы и автобусики разных марок и назначений. Чего только не было на самотлорской бетонке! Вся могучая техника страны.

Провисающие к земле и солнцем пронизанные облака казались золотистыми нимбами. И простор. Простор и объемность пространства.

Надолго запомнился мне первый монтаж.

СВАДЬБА

Все лето торочили занудливые дожди. Грязь и вода. Неделями не сбрасывали сапог-болотников. Мрачно в комнате, мрачно на улице. Неожиданно небо

расчистилось, приподнялось над раскисшей землицей и выказалось во всю вселенскую ширь. Грязь затвердела.

14

В эту пору у Крайневых играли свадьбу. Избранница Альберта — кочегар с буровой Лида Шеломенцева. Привязала матроса к Нижневартовску, вопреки изначальным планам о Ждановской мореходке и заграничплаваниях. Встретившись с Лидой, не смог уже с ней расстаться.

После регистрации по установившейся в Нижневартовске традиции — на Самотлор. У скважины-первооткрывательницы под рев придорожного факела поздравили молодых и откупорили бутылку с шампанским. Дома, у подъезда, ждала раскатанная ковровая дорожка и родители с хлебом-солью.

Тамаде Шаталину повязали через плечо вышитое полотенце, и он сказал заздравную речь. Тотчас зазвучали тосты. Говорили — кто во что горазд. Захмелев, вручили Феде Саблину баян, он прислонился щекой к крышке, как заправский деревенский гармонист, и развел мехи.

Первой устремилась в пляс лаборантка Виктория Иванова. Лихо отбивала она чечетку.

— Знатно! Ай, знатно! — ей подхлопывали.

Разгонись, моя телега,
Все четыре колеса...

Хажбигаров приспособил мотив под лезгинку: то сводя руки на груди, то раскидывая их, такие выделял виражи, что не поймешь — искусство это или избыток темперамента. Приустав, удалился в смежную комнату, где лаборантка-плясунья усердно выводила:

Как поздней осенью порою
Бывает день, бывает час,
Когда по-о-о-веет вдруг весною-ю...

Руслан, подсев к ней, ударился в рассуждения;

— Музыка пробуждает во мне картины удивительные, необыкновенные. Вид на горы... Горы обрываются в море бухточкой, у которой прилепилась таверна из просмоленных корабельных брусьев. Доносит гул прибоя, стук пивных кружек о дубовые столы, рыбацкий голоса...—шпарит, не отрывая темных горящих глаз от лаборантки.

Привораживал Викторю и одеждой. Недавно прислали ему из отчего Малгабека кожаную тужурку с литыми оловянными пуговицами. Он похвастал:

15

— Таких в Союзе две. У меня да у Баниониса.

...Встретились они в кружке английского языка, который Хажбигаров взялся вести для молодых специалистов. Однако Виктория относилась к занятиям с прохладцей. Однажды Руслан долго отчитывал ее и в довершение поставил единицу. Именно с тех пор проявил интерес к беспечной ученице.

И вот теперь Руслан подтягивал Викторю:

Мы там, где ребята толковые,
Мы там, где плакаты «Вперед!».

Во всем успевал.

Воспользовавшись моментом, молодожены выскользнули на улицу, и Лида сказала:

— Сегодня все такое милое — от земли до Млечного Пути... Я счастлива, Алик. Всю жизнь вместе. Даже не верится. Давно ли узнали друг о друге...

— Судьба,—привлек, обнял ее Альберт.— А я почему-то детство вспомнил: поселок Бавлы в Татарии, речку Ик... Опять размышлял о загранке. Я еще вернусь «на воду», Лидушка.

— Самотлор уже тем хорош, что не разлучит.

— И плавать можно вместе. Поваром, а? — нашелся Альберт.

— А дети появятся, тогда как!

— Видно будет... И вообще хватит об этом, заладили: вода, Самотлор. Времени другого не нашли.

— Целая жизнь впереди,— рассмеялась Лида.

Звонко было, пространственно. Огненные сполохи факелов сливались в единое зарево, словно где-то разливали сталь из десятка домен. Выше алого, казалось, даже не в небе, а глубже, гигантскими иглами прошили звездное надмирье острые столбы-блики.

16

По улице Пионерской, где ступенчато, веером поднялись новые дома, лампы лили неоновую лунность. Какая-то хозяйка честила подгулявшего супруга.

Усиленный динамиком голос диспетчера на автостанции сообщал:

— На куст 328, вахта Шакшина, автобус 13-15.— На куст 329, вахта Петрова, автобус 16-40.

Город бодрствовал. Уходили на буровые и возвращались с пересменки вахтовые автобусы, повисали самолетные гулы, и зарево Самотлора тревожило ночное небо. Была своя, нижевартовская, атмосфера, свой психологический настрой.

Все двигалось, громыhalo, спешило.

«Я ЖИВУ СРЕДИ ЛЮДЕЙ...»

В Нижневартовске жилищная проблема остра, окраины, да и не только окраины, заполняются балками, вагончиками. У нашего управления целый город железных коробок, после Урая служивших конторой. Получить вагончик или хотя бы половину — не просто. По году, больше ждут.

Неумудрено, что после свадьбы молодожены квартировали у родителей Альберта. Но ведь известно, что

у двух женщин не всегда бывают совместимые характеры. Малейшая зазубринка искрит, накаляет атмосферу. Как-то Альберт пришел ко мне возбужденный:

— Баста! Порвал с родителями.

В тот раз он не явился на монтаж, и Вережкин накатал докладную начальнику цеха. Пока с ней разбирались, мы всем звеном разладили с механиком: потребовался кран, а его нет. И Вережкина нет, запропал. Наведались домой. Вережкин выступил из дверей квартиры настороженный.

— Как нет крана! — удивился. — Я заказывал.

Поутру явился уже менее благодушный.

— Мало сделали! Я научу, как работать!

— Так не было же крана, — оправдывались.

— А руки зачем даны, язык зачем привешен! Не могли, что ли, востребовать! — и пошло-поехало: — Лишу премии, разгоню!..

Глухой ветреной ночью объявился инспектор Ветвицкий, ждет в культбудке. Вережкин, дотоле взвинченный, сердитый, вовсе сорвался на визг:

— Вот уедет инспектор, кому сдадите монтаж!

Снова «надавили» опрессовщики, снова Ветвицкий воззрился на стрелки манометра. Порядок — все девяносто атмосфер! Но настроение уже испорчено.

— Ухожу к Хажбигарову, — заявил Саблин [организовалась новая бригада, и механиком в нее назначили Руслана — дождался своего часа!].

— И я уйду, — обрадовался Альберт.

Мне ничего не оставалось, как присоединиться из солидарности.

Урок подействовал. Новобранцам-превенторщикам Вережкин дал полную самостоятельность, лишь бы успевали. Поначалу многие механики увлекались превенторами в ущерб остальному оборудованию, Вережкин — не исключение.

У нас из-за этого сожгли вал редуктора — в вахту Шаталина. Бурильщика в наказание перевели в новую бригаду, а Веревкин отделался порицанием. Он считался опытным механиком.

Жизнь улыбалась Веревкину — на работе положение прочное, в семье лад. Не ожидалось трагедии.

Но... однажды в гололед на округлой, скользкой бетонке вахтовый автобус занесло, метнуло на встречную громадину — «Урал». Веревкин, привскочив, крикнул: «Берегитесь!» И тут — толчок. Механика сорвало с сиденья и ударило о кронштейн у водительского кресла. Смерть наступила мгновенно.

Весь наш коллектив тяжело переживал эту утрату. Сразу трудно было поверить, что среди нас больше нет этого замечательного человека.

Лично для меня Веревкин был одним из строгих учителей Самоглора.

Хоронили механика как солдата. Верой-правдой служил он Северу с первых нефтяных шагов Тюменщины, как велел долг.

Вот какие события предшествовали разбору докладной.

Дело о прогуле Альберта передали в цехком. В тот вечер мы ставили превентор на кусту новой бригады, и Хажбигаров принялся звонить начальнику цеха, толкуя о монтаже. Из мембраны — приказное, властное: «Пусть является, иначе уволим». Автобус уже ушел, а куст на отшибе, попутных okazji никаких. Так Альберт и не явился на заседание.

Декабрь выдался на редкость теплым. Тучи нависали, дождили. После новогодья температура упала и все вокруг затянуло белесой дымкой. Стужа проникала в легкие: не только дышать, думать трудно. Тронется трактор — гусеница пополам, поднимет кран груз — стрела долой. Оттого скатывали бурильные трубы с машин вручную.

Куст нам достался на газовой шапке в сеномане. Обычно под «кондуктор» — триста-четыре метра в верхних осыпающихся породах — бурят без превентора, на газоопасном кусту — с двумя мощными двенадцатидюймовыми установками. Мало того, дежуришь после монтажа.

К ночи дымка обернулась легким снежком. Пропорхнул он и укрыл сирую занемелую землю. В звонившейся стуже пламя факелов замерло языками.

В стылой ночи мы безмолвны, как призраки. Стоит открыть рот, тотчас жесткий спазм перехватывает горло. У нашего звеньевого Федя Саблина лицо огненно-красно. Он, как когда-то в своем цехе Салаватского машзавода, в матерчатых нарукавниках поверх куртки. Ввевшаяся привычка! Брюки-стеганки велики, и Федя шутит:

— Чем воздушная прослойка больше, тем теплее. Не озябнешь.

Сын потомственного рабочего, он унаследовал выдержку, степенность. Кажется умудренней, старше нас. Стажировался Федя у знаменитого Тимошенко, внедрявшего превентора еще в Шанме. Третий год здесь.

Случаются выбросы и на Самотлоре. В мою уже бытность строптивый джинн выдавил колонну к кронблоку в комсомольско-молодежной у Глебова, швырнув под небеса шламм — разбуренную породу. На счастье, успели разбежаться люди, сама же буровая полыхала костром. Убил вышку сеноман, который предстояло покорить нам. Что-то будет!

Так вот о Саблине. Когда сделали монтаж, Федя лег на подогревные решета в сушилке. «Ноги замерзли», — смущенно улыбнулся. «Галя согреет», — не к месту ляпнул Альберт.

Не к месту, потому, что Федя тотчас отправился в вагончик-столовую помогать жене чистить картошку. Он это делает постоянно, а также рубит мясо, пропу-

скает на мясорубке. Супругу-повара он обожает, всякую свободную минуту при ней и частенько приговаривает:

— Ешь, Галя, ешь, пока рот свеж.

20 В культбудке третьи сутки безвыездно главный технолог Суяргулов. Каждую ночь его поднимают по тревоге, и, тяжелый, он вываливается из культбудки, как из люка самолета. Сбоку буровой прилепилась газокаротажная машина: сторожит джинна. Пока спокойно, и Шаталин просит вскрыть сеноман — средоточие попутного нефтяного газа. Главный технолог толст. Шуба, просторные валенки делают Суяргулова еще массивней. Весь силуэт главного технолога в сиротском обманном свете лампочки под потолком принимает пугающе квадратные формы.

Получив разрешение углублять скважину, бурильщик уходит, а я, дежурный по превентору, прошу главного технолога объяснить суть сеномана. Хабиб Абдрахманович охотно чертит вздутие — «шапку», объясняет. В ней, под семисотметровой толщей, выделившийся из нефти газ. Миллионы лет держала природная броня вленника, смирила, и вдруг неожиданный пришелец — турбобур. Устремился джинн, да не тут-то было: давит столб раствора.

Тогда газ вник потихоньку, облегчил раствор — готов выметнуть, но каротажные датчики предупредили: «Газ в растворе!»

Суяргулов отправляется на мостки, где дегазатор — специально для удаления газа из раствора. Дегазатор бездействовал. Его настроили, включили, в то время вахта обрушивала в емкость барит-утяжелитель.

Процент газа в растворе постепенно упал, и Суяргулов успокоился. На мостках осталась лишь лаборантка Виктория, постоянно измеряла температуру и удельный вес спешащего из скважины раствора, пользуясь то градусником, то ареометром.

Назначение раствора многообразно. Он вращает шарошки долота, охлаждает их, гляncует стенки скважины, предохраняя от осыпания, выносит наверх шлам... Раствор — живая кровь бурения. Вот почему не могла оставить Виктория нескончаемую серую струйку в желобе. Лаборантка расположилась как царица в роскошных чертогах, где крышей — небо, а росписью на потолке — луна и звезды, вместо пола — прозрачные, в окружении факелов, синеватые снега.

21

Рассветало, но звезды еще отчетливы, их круговращение пытались сдержать иглы-блики.

Завалились с Русланом в сушилке поверх спецовок и вполне довольны. Хажбигарова даже поманило на философствование:

— Ингуши пришли к социализму, минуя капитализм, прямо из родового строя. И сейчас еще единокровные фамильные деревни есть. Мой род от горного абрека Хаж-Бега, воевавшего с феодалами. Закандаленного, его отправили в Сибирь, а далекий отпрыск, инженер, если хочешь — интеллигент, добровольно здесь... И не чувствую себя здесь гостем.

— Устраивает тебя должность механика! — интересуюсь сквозь дрему. И сквозь дрему воспринимаю:

— Я мог бы стать бурмастером, закончив факультет бурения. Значит, что! Поступить на четвертый курс того же Грозненского — и карьера обеспечена.

Не слава ли богатырей-рекордсменов раздражила! Работает Хажбигаров на совесть, с полной отдачей. Сегодняшней ночью едва пробравшийся в раствор газ легким хлопком выстрелил из скважины. Руслан бросился к пульту у лебедки и закрыл превентор. Не оплошал.

В нем много еще неустоявшегося, противоречивого, но основа верная, при северной отшлифовке

обретет хорошее завершение. Утвердит парень из Чечено-Ингушетии лучшее в характере. Сведя нас воедино, Самотлор преподает суровую мораль, в которой главное — Труд, Труд и еще раз Труд. Здесь человека ценят прежде всего по делу и по тому, насколько справедлив с товарищами.

...Помбуры опять таскают барит из-под навеса, бодрствует главный технолог в газокаротажной машине — опасность выброса не миновала. И так будет до конца зимы, пока не иссякнут запасы утяжелителя и разбуривание куста прекратят до навигации. Все это будет, а сейчас ласковое ситчиковое небо. Солнце всходит.

...На цехкоме сначала зачитали докладную покойного Веревкина, выслушали объяснения Альберта, затем Хажбигаров рассказал, как трудно привыкал Крайнев к бригаде.

— Главное, — сделал ударение Руслан, — этот парень становится все лучше и лучше.

Саблин и я постарались отвести беду. За прогулы в нашем управлении наказывают строго, вплоть до увольнения. Тем более что эта докладная вторая. Первая появилась в пору предсвадебную — встреч с Лидой, гуляний до зари. Тогда решалось: быть или не быть, мореходка или Самотлор! Постепенно Альберт уверовал, что Лида его — единственная, неповторимая, к Самотлору пока что оставался равнодушным, хотя тот поразил своей масштабностью. Против Шаима все равно что корабль против лодчонки. Альберт сразу отметил этот масштаб, как только отец прокатил по бетонке вокруг Главного озера. Но затянул с медкомиссией, вызвав недовольство Веревкина.

А тут еще недосыпания. Работа вахтовая, утром уезжаешь в шесть да пока вернешься... Альберта по-

стоянно одолевала сонливость. На первом памятном монтаже взбадривал себя электротоком — касался сварочного электрода. От толчка дрема ненадолго отлетала.

За полночь прикорнул в культбудке, и нет уже ничего: мгла, небытие... Вережки растолкал: «А кто станет крутить гайки! Пушкин!» С тех пор пристрасстно надзирал. Альберт не выказывал рвения, вызвав в конце концов недовольство и Хажбигарова. Руслан морщился, морщился и недвусмысленно-ультимативно:

— Ты думаешь работать!

Пробовал я расшевелить, увы! И вот тучи сгустились, просекла молния... Узнаем про докладную.

— Здесь тебе не палубу дранть,— констатировал Хажбигаров.— Выбьется малейшее звено — другие захромают. Так-то! Нячиться не станут. Темп, знаешь, какой!

— Ясно! Понял! — услышалось.— Но мне так нужны деньги на свадьбу. Почему лишили премии!

— Я здесь ни при чем,— крутнулся Хажбигаров.— Заключи договор, получишь подъемные — все четыре тарифа.

— Спасение! — повеселел Альберт.— Моряк не хнычет и не плачет никогда...

— Не плачет-то не плачет, но связываешь себя договором.

Его злила бесстрастность Альберта. Злила и меня.

У меня к Альберту сложилось двойное отношение. Уважал Крайнева за раннюю самостоятельность, возмужалость, за флот. Отвращала сухая рассудочность.

В целом наши отношения протекали по руслу взаимных сближений, особенно когда по тревоге подняли на передвижку буровой.

Перед обедом подлетела машина с брезентовым верхом, из нее повыпрыгивали и, как десантники, про-

ворно разбежались парни с нашивками «Главтюмень-нефтегаз» на рукавах. Принялись резать, сваривать, крепить. Пустили растяжки сверху буровой, чтобы не завалилась. Трактористы в кабинах — словно танкисты перед боевым броском. И сами «сотки» с вызывающе привздернутыми передками напоминали знаменитые «тридцатьчетверки».

Когда приготовления закончились, бригадир вышел карей, прямой, как карандаш, с коричневым носом, встал на деревянный ящик. И расстояние-то пустяк — четыре метра, а осилить надо умеючи... Мужичок с коричневым носом, подождав, резко опустил руки, и водители выжали враз сцепления. Буровая нехотя двинулась по рельсам.

Теперь можно и восвояси.

Срезав изрядный кусок пути, промокнув от травы и кустарника, выбрались на бетонку. Альберт торопился к Лиде, и я едва успевал за ним.

— Истинный марафонец, — заметил ему. — Спортом, что ли, занимаешься?

— Занимался. Боксом. Одно время был даже чемпионом Урая среди юношей, — не сбавил шага Альберт.

— Страшновато на ринг выходить!

— Важно первый раз не стусеваться. Меня «крестил» второразрядник, подзадорил так, что закачало. Разозлился я. Перед боем всегда старался разозлиться, никакой страх не брал тогда.

С Альбертом пробовал померяться силой Федя Саблин. Он хоть и щуплый, но верткий. Альберт захватил его правую руку — блокировал, обнял за шею и с подворотом налево вполуприсяд бросил через плечо. Владел и броском через бедро. Этим приемом положил здорового тракториста.

— Сладил, да! Сладил!! — изумился здоровила. — Как это ты!

Во время совместного марша я посоветовал:
— На превентор разозлись. Противник достойный.

Женитьба принесла ответственность не только за себя, но и за Лиду. И вот досада. Как объяснить начальству! Не все ведь знают нюансы. У Альберта как раз решалось с вагончиком. Перед разбором он зашел к начальнику управления, и тот сказал:

25

— Подожду, что решит цехком.

Я вот на чем заострил:

— Попросим жилье для молодоженов. Семья же ломается.

Начальник цеха четверть века в бурении, и его заместитель рано начал трудиться. Все бывалые, житейски сведущие.

— Пусть будет так,— заключили.— Надеемся, огрехи молодости.

Последнее слово за «обвиняемым». Альберт встал, и голос слегка задрожал:

— Спасибо. Я понял, что живу среди добрых людей.

Мудрую истину подарил Самотлор. Он — не только буровые и нефть, прежде всего — отношения людей, диктуемые суровой обстановкой.

После цехкома Альберт — снова к Исянгулову. Абзалитдин Гизятуллович с живостью:

— Ну, что решили! Так! Вот теперь получишь половину вагончика,— и назвал номер.

Через пару дней новоселье. Войдя в вагончик, увидели Крайнева-отца, с мирным домашним видом чинившего стиральную машину — свадебный подарок. Примирение состоялось. И это обрадовало больше всего, потому что к лучшему складывалась жизнь нашего товарища. Легко произнесли тост за простенькой дружеской трапезой,

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК

Бурный темп Самоглора проявился и в том, что выделили третье буровое управление, создали новые бригады. Прежнее ядро шамцев обновилось, но не ослабло.

26

И в морозные, до жестяной рези, дни зимы, и в мартовские, с синими тенями, дни, и в апрельский разлив вод, в майские продувные ветра, позвавшие к жизни неяркие цветочки на мшагах, неутомимо пробивались через мели и перекаты повседневности.

Привыкли уже к теплу, к синеволю, как вдруг «падера» — сякоть с ветром. Вихрь лавиной крутил белесые смерчи, нагонял сплошную завесу.

Покончив наконец-то с утопшим в глубинной густой грязи, из которой едва ноги вытаскиваешь, газоопасным кустом, передвинулись мы к Белому озеру. Это облегчение. На газоопасный потребовался целый железнодорожный состав барита-утяжелителя, предел внимания к противовыбросовой установке. Не однажды, укрощая стихию, смыкали плашки превентора.

На Белозерном кусту сухо, песчаный островок посреди безбрежья вод и никаких газопроявлений. Досадили, правда, дорожники, тянувшие бетонку, задержали автобус. Да тампонажники подзадержались с заливкой цементом «кондуктора» (помните, обсадные трубы в верхних осыпающихся породах), оттянулся монтаж на ночь.

Вместе с нами бодрствовал молодой, с пятном ожога на щеке мастер Володя, ждал, пока поднимут завалившийся вверх колесами тампонажный агрегат. Мастер этот из тех одержимых, что, забывая об отдыхе, неделями на буровой.

Засветло уже сдали монтаж Ветвицкому. Тот торопился и монтаж подписал не глядя. Уехал с вахтой мастер, а мы остались красить линии-выкида —

ожидалась комиссия. Спроворили — и айда в кедрово-ельничную островинку отметить по-холостяцки день рождения Альберта. С нами Виктория, не на шутку задружившая с Хажбигаровым. А Федя улизнул, не в силах снести разлуку: у Гали выходной, она в Нижневартовске. Позавидуешь взаимности.

С веток на нас взирал бородатый ворон (должно быть, в укрытии гнездо). Возле «застолья» черным питоном пролегла труба в подтеках застывшего битума.

— Как в лучших домах Лондона, — усмехнулся именинник, вспарывая ножом консервы.

— Не тот плох, кто имеет недостатки, а тот, кто мирится с ними. — Хажбигаров, взявший на себя роль верховода, напутствует: — Ты, Альберт, хочешь и можешь их исправить. Но вот... есть ли у тебя цель в жизни?

— Цель, — выразить нужно многое, и Альберт медлит. — Первое — закончить вечернюю школу и поступить в институт, дать образование Лиде. Второе — народить детей, без них в доме заводятся призраки.

— Ну а принципы семейной жизни! — допытывается Руслан.

Альберт почти тезисами:

— Физически сильным быть, честным, обязательно хозяином слова. Устал — не подавай виду, решил бросить курить — брось, иначе жена разуверится.

— Правильно понимаешь, — Хажбигаров благосклонен и многозначителен. — Сантименты не к лицу мужчине.

— Сентиментальный мужчина жалок, — усиливает Альберт. — Так выпьем за сильных мужчин.

— И за женщин тоже. Известно еще, кто сильнее, — протестует Виктория. — А что до сантиментов, не согласна. Нежность, например, что такое!

— Нежность — оно, конечно, — Альберт прячет букетик бледно-сиреневых цветочков, собранных для

Лиды, а сам слегка румянится.— Поэт утверждает: «Говорите о любви любимым...» Может, так и должно быть.

Руслан отделался шуточкой:

— Женщина — украшение северянина. И так, за мужчин и женщин Самотлора!

28 Уловив паузу, ворон повел настороженно клювом. Большого труда стоило птице удержаться на «насесте» под бешеными налетами «падеры».

— Что тебе цунами,— бросил на ворона взгляд именинник.

— Кажется, что-то штормовое! — Виктория тоже посмотрела на ворона, будто в бородатом таился смысл сказанного.

— Цунами опасней шторма. Испытал в Петропавловске-Камчатском... Цунами, Вика,— это страшный водяной вал от вулканического толчка,— пояснил Альберт.— Ему следуй навстречу точным прямым курсом, иначе швырнет на береговые сопки. Мы ушли тогда к острову Шум-Шуму в дозор... На острове памятник матросу, закрывшему своим телом амбразуру японского дота. Взорвались по каменистым осыпям положить к подножию яркие курильские маки.

— Самотлор тоже цунами,— заявила Виктория.— Только здесь цунами каждый день, не спадающее.

— Це-це! — поддержал Хажбигаров.— Ты умица, Вика.

Альберт замолчал, и мне показалось, что он соизмеряет свою жизнь на Самотлоре с определением Виктории. Волна высокого напряжения, породив которую, стали зависимы от нее,— вот что такое Самотлор! Проверка каждого из нас физическая и духовная, в прошлом и настоящем. Благоприятно сказалась она на Альберте.

— Мой дед по отцу — известный уральский революционер, — после некоторого молчания сказал Альберт. — Силы физической необыкновенной. Обхватывал руками дерево, к нему припрягали лошадь, но не могла кобылка разорвать сцепленных рук. Подковы гнул, переплывал реки в ледоход, сотни километров отмахивал по тайге. Да и бабка деду под стать.

Брат отца, дядя Гоша, в Великую Отечественную сражался на Малой земле под Новороссийском. Долгонышко удерживали высоту Н. черноморцы-десантники... Отцу в воздушном бою у Кенигсберга крепко задело руку и правый бок, летать уже не мог, управлял «ястребки» на аэродроме. Перенес две операции, но не сломился.

— Когда корни здоровые, то и дерево крепкое, — подытожила Виктория.

— У человека все от самого себя, — складно, как по-писаному, рассудил Руслан. — Судьба не приносит нам ни добра, ни зла. Она лишь сырой материал жизни, из которого берешь нужное себе. Лично я верю только в случай. В нефтяной Грозненский поступил случайно. В Нижневартовске тоже оказался непредвиденно. Удача — и сразу в экспрессе, распахиваешь дверь вагона первого класса: «Вот я! Принимайте!» — и обитатели мягких купе теснятся, уступают место.

— Или наподдают и вышвырнут, — усмехнулся Альберт.

— Случаи, конечно, разные, — задумчиво протянул Руслан.

— То-то и оно. Случай возмесь, случай уронил. Нет, я сторонник закономерности. Да и случай — лишь ее проявление. В Грозненский институт привела тебя причастность к нефти отца-инженера. Приезд на Север объясним временем — нефть Сибири в центре внимания. Не оказался же у рыбаков Находки.

— Це-це,— только и прицокнул Хажбигаров.— Если самолет мой теории разбился, отправлюсь пешком с котомочкой.

Прятавшая под шапочку непослушные локоны Виктория заметила:

— Ты ведь философ, Альберт.

30 — На то он и человек, чтобы размышлять. Мне есть над чем... Перед дембилем вступил в кандидаты партии... Выходит, мой испытательный стаж на Само-тлоре. Вот уж действительно непростой...

Стемнело, когда выбрались из островинки. Тот-час накиннулась «падера», забросала колючим градом. В вершинах деревьев свистел ветер, и ворона уже не было видно, а гостеприимная гривка казалась сплошной, неподступной. Вполне примешь за настоя-щую тайгу.

Рекомендации Альберту дали Шакшин, главный ме-ханик Самаркин, недавно избранный секретарем парт-кома, и завзятый общественник Зада Халидович Ясо-веев, в давнем прошлом колхозник, солдат.

Третьего октября Альберта принимали в партию на цеховом собрании. Спросили биографию, поинте-ресовались семьей. И он успокоился, поняв, что экза-мен держал раньше, когда проводил дни и ночи на буровых, тряся в автобусе по бетонке Само-тлора. Сейчас выложат лишь мнение.

Рабочие подняли руки.

— Единогласно,— подытожил Ясовеев, чуть-чуть привздернув в улыбке верхнюю губу.

На бюро горкома принимаемых было так много, что заседание растянулось до вечера. Альберт с Гле-бовым кончали уже вторую пачку «Интера», когда мастера выкликнули.

«Примут»,— позавидовал Крайнев.

Глебова в самом деле долго не держали, минут через десять он уже считал ступеньки вниз. Видать, торопился. Альберт потянул на себя невероятно тяжелую половинку двери. Из членов бюро он знал только первого секретаря, своего ровесника Великопольского. Первый секретарь был на сей раз гребнем встречного вала. К нему и привязал взгляд.

Вопросов не последовало.

— Если самотлорцы — за, я — не против, — поднял руку Великопольский. — Верим в вас, Альберт, молодого коммуниста. Билет вручим завтра.

31

На улице его окликнул Федя.

— Завтра монтаж.

«А как же с билетом!» Переборов смущение, Альберт постучался к Великопольскому.

— Что ж, поправимо, — секретарь горкома поднял телефонную трубку. — Клавдия Иннокентьевна, подготовьте партбилет Крайневу. Что! Есть необходимость.

И, когда из орготдела принесли красную книжечку с силуэтом Ильича, крепко пожал руку.

— Правильно сделал: общественное всего выше.

Так началась жизнь в партии.

СВОЙ ПРИЧАЛ

Вместо Хажбигарова в звене теперь Стражинский — волгарь, из-под «Самары», как он именовал Куйбышев. Поджарый, порывистый, казалось, живет одними нервами. Любит броско, напоказ одеться, смахивая больше на студента-старшекурсника, чем на рабочего.

На Восьмое марта исполнял незнакомую песню «Сказка» про девушку в большом городе, и глаза выражали печаль. Что-то томило его, неудовлетворенность какая-то. Искал разрядки — в работе буквально преображался. Хоть картину пиши с него в этот момент.

31 32 Водружали как-то превентор на колонную головку — метра на полтора торчавшую из земли трубу. Трактору и крану — особенно крану с его стрелой — мешали спуско-подъемные мостики, пришлось тащить превентор волоком, рискуя порушить задвижки и отсекатели. Темные глаза Стражинского нацелены за стеклами очков. Очки заляпаны грязью, но тот не замечает этого. Сверху: «Стоп! Давай! Давай!» — умело направлял действия, весь — как натянутая пружина.

Казалось, Стражинский способен на большее, чем наше ремесло. Постоянно что-нибудь конструировал, и, хоть часто проекты оставались без воплощения, цепкость ума подкупала.

В День молодежи, когда управление праздновало, зазвал на буровую менять клапан масляного насоса. Исправили дефект. На уровне буровой скользила луна — огромное бледное око. Вот она поравнялась с вышкой и уже с другой стороны показала краешек.

Стражинский усмехнулся:

— Мне почему-то всегда луна женщиной-озорницей представляется. Все женщины — озорницы, — метнул носком ботинка подвернувшийся камешек.

— Не понял юмора, — сказал я.

— Все просто...

И, обычно любящий рассказывать разные байки, Стражинский на этот раз как-то вяло машет рукой.

— Приелось. Скука. Ведь есть же где-то красивая жизнь,

— А наше занятие! Может, оно и есть красивая жизнь. Все дело в том, как понимать ее...

— Высокие материи,— во взгляде Стражинского дремучее, неистребимое.— Жить хочу! В Самаре выберешься на Волгу: ширь, раздолье... И так хорошо тебе.

Тосковал по «большой» земле, не мог привыкнуть к ночным сполохам, гремящим круглосуточно буровым, к городу. С получки отправлялся в ресторан и, не считая, выбрасывал десятки. Компания при нем, и он ею повелевал. А когда упрекали за неоправданное растраниживание денег и времени, парировал:

— Плевать. Один раз живем.

Разноречивый парень.

Однажды предложил мне:

— Айда за брусникой.

Подсели на каротажную машину и долго тряслись, как в порожней консервной банке. Возле места, куда земснаряды моют песок для бетонки, углубились в лес. На мшаге между деревьями — тяжелые кисти брусники. Я таких не видывал. Есть и грибы. Богат Самотлор осенью...

Сел на вахтовый автобус, час — и на месте. Но что это? Поваленный кедр. Поленился кто-то затратить хотя бы малые усилия, чтобы добыть шишек, сгубил дерево. Стражинский нахмурился:

— Такому красавцу цены нет. Судить кедробийц надо.

Рядом, за плотной хвойной стеной, экскаваторы, бульдозеры, самосвалы сливали мощный гул, а здесь как в инопланетном притаенном царстве-государстве. Невольно подумалось о судьбе здешней природы: при таком с ней обращении загородный отдых скоро станет проблемой.

Вспомнилось, как местная газета преподносила с апломбом:

На тайгу наступать, наступать,
Как на черную тень!..

34

...Рвем переспелые дочерна кисти, вдыхаем разномастные, с привкусом влаги, запахи и чувствуем себя благостно-спокойно. Уже проступила желтизна на березах, повисла паутина, напомнив о бабьем лете. Стражинский берет ягоды всей сухой мускулистой ладонью, на ладони кроваво рдеет сок. Кажется, не ягодами, куда более важным занят. Жидкие прядки разметавшихся волос едва прикрывают лоб, он забрасывает прядки назад и снова склоняется над мшагой.

Вдруг словно споткнулся: снова — свежесрубленный кедр. Как павший от пули карателя мирный житель. Тут донесся треск сучьев, и в проеме стволов показался угловато-громоздкий Шаталин, за аварию с редуктором переведенный в нашу бригаду. За спиной у бурильщика ружье, тяжелый, на лямках, рюкзак с шишками. Неужели! Сурово-осудительно Стражинский пронзает глазами Михаила.

— Чего воззрился! У меня и секиры-то нет,— голос, простодушно-рыжеватое лицо убеждают в невиновности. Шаталин садится прямо на мшагу и гладит ствол дерева. На лице крохотные, как иголкой наметченные, веснушки. Густо их, и потому лицо красновато, в глазах неподдельное возмущение.

— Не мог я так,— без обычной подначки продолжает бурильщик.— Люблю лес, как живую душу. У нас под Челябинском страсть хороши сосняки, выберешься к озеру ушлицу справить — бла-агость...

В Михаиле чувствуется первозданно-русское, размашистое. Кажется, вырвали его из давних российских времен и поместили в иное, изощренное общество. На таких людей бег времени не влияет.

Перед выходным Шаталин во всеуслышание объявляет:

— Завтра в школу не пойдем.

Это значит — со свояком Васей попарятся в городской баньке, после чего пропустят по маленькой и споют «Из-за острова на стрежень».

Случилось, вахты с автостанции завернули на медэкспертизу. Шаталин как раз после «легкого пара», вдохнул в себя воздух и призадержал. Врач: «Что такое! Или грудь слабая!» — заподозрил, видать, хитрость. «Как слабая!» — расправил мехи уралец, и пробирка с ваткой на конце едва не стрельнула в стену.

35

Похмелie показала медэкспертиза.

Уральца — на разбор. Отсрочили квартиру, очередь на машину, тринадцатой зарплаты лишили. Крупно попал в немилость.

Справедливости ради замечу, Михаил не возмущался:

— Сам виноват. На буркоме заявляю: «Что же, в выходной и выпить нельзя, зачем тогда жить!» Подзавел, и вкатили мне на полную катушку. Машина — ерунда, в другом месте куплю. Квартиру жаль.

В его былых похождениях проблеснула история про цыган, с которыми поспорил однажды. «У меня, — заявил вожаку табора, — взгляд такой — любого пса ужимает». Сгреб за загривок злюку — волкодава, тот и хвост поджал. Мало того, вызвался пешком обогнать вожака на лошади. Кобылка у цыгана горячая, пока ее, разогнавшуюся, вертал со стометровки, Шаталин — на финише.

У Михаила сын — третьеклассник. Он появляется с лайкой серо-каштанового окраса и прихрамывающим, с палочкой, дедком.

— Пап, — солидным прорезающимся баском опо-

вещает Шаталин-младший,— дядю Петю гостевать за-
зываю.

— Ну-к что,— в тон согласно кивает Михаил,—
заходь, Макарыч. Вспомним, как с белыми воевали.

Дедок чуть усмехается в жесткие седые усы. Он
сторож с опорной, в четыре тысячи метров, скважи-
ны — геологи торопятся узнать: есть ли нефть в глу-
бинном пласте девона.

36

— Вишь, угрохали,— показывает Михаил на
кедр.— Вот где требуется дозор. С пулеметами и
пушками, с капканами, самострелами хантыйскими.

— Ах-ха,— наморщенной, с отрубленным указа-
тельным пальцем ладонью скрывает зевоту дедок, и
я почему-то заподозриваю его в содеянном. Но дедок
столь же бесстрастно разматывает вязкую ниточку
речи:

— Вашего брата сыщиками не усторожишь и кап-
канов, самострелов не напасешься. Валом валите с
одною прогнозою: «Не в свой чертог вступаю, хочу —
крушу, хочу — милую. Матка не научит, дитя не ура-
зумеет, миротворно напакостит».

Вспомнилось: «На тайгу наступать, наступать, как на
черную тень!..» Прав дядя Петя: матка не учит, дитя
пакостит.

В последнее время заметно активизировался наш
мастер Володя Ермаков, ускоренно сдавал скважину за
скважиной, словно не твердые породы дырявили —
репу. Давнули — и готово, есть! Володя в именинниках.
Обрядившись в белый мотоциклетный шлем, гонял на
ИЖе с Самотлора и обратно. Спал урывками, свернув-
шись калачиком. При стуке двери ошалело вскаки-
вал — глаза воспаленные, налитые кровью,— принимал-
ся кричать в рацию: «Центральная! Центральная! Дай-
те диспетчера!» И когда диспетчер отзывался, требо-

вал бурильных труб, песку для подсыпки площадки, еще чего-то. Устремлялся к буровой. Там жаждавший реабилитироваться Шаталин торопил, подгонял своих, ночь напролет у лебедки... Рассвет касался верха запотевшей буровой, и вот уже солнце струило живые дорожки бликов.

Володя бросал отсутствующий взгляд на облачка, лазурь, блики. «Поднажмите, ребятаки!» — призывал нас. В заношенной кроличьей шапке, у которой одно ухо свисало до плеча, другое торчало вверх, с диковатыми глазами являл саму одержимость.

В тот месяц набурили 6200 метров — переплюнули самого Григория Кузьмича Петрова. Бурение — это всегда ринг, где взлеты и падения неожиданны. Победу приветствуют, стремятся догнать лидера и при желании неизбежно утверждаются среди сильнейших. Мне таким образом посчастливилось наблюдать рождение еще одного мастера — из тех, что приняли эстафету от старших и шагнули дальше. Буквально за месяцы прославился Володя.

В бурмастера Володя попал уже с хорошей репутацией. До этого был помощником мастера — Героя Социалистического Труда. У него научился самостоятельности, умению работать с людьми.

Получалось: героизм на Самотлоре — это всегда необходимость, проявляется рывком, враз, как у матроса на Шум-Шуме, или повседневно, незаметно. Самотлору присуще последнее. Здесь героизм — честно выполнять свои обязанности, не паниковать, не расслабляться. Всецело отдаваться делу. «Надо!» значит «Есть!».

Самотлор — фронт мирных дел.

Для каждого он разный, этот многоречивый материк с емким, звучным названием. Одним он кажется легендарным, другим — пугающе трудным, утомительным, третьим — он просто работа, случайный эпи-

зод в биографии. Мой Самотлор — обыкновенный, с обыкновенными земными людьми, и оттого, что трудятся покорители недр самоотверженно, обыкновенный Самотлор становился героическим. Ему еще долго звучать во времени.

...Весна выдалась затяжная, непогодная. Собственно, весны и не было — похолодания, слякоти. Лето под стать — без солнца, с частыми ливнями. Грязь и сумрак, не мечталось даже искупаться, позагорать, спешили за такими прелестями на юг. Те, что оставались, жили работой. Самотлор действовал, как прежде. Боевит и энергичен. Добавлялись новые скважины, струилась по трубопроводам черная маслянистая жидкость, и в призрачном болотном мареве грохотали буровые.

Первый День нефтяника отмечали десять лет назад в Шаиме. Тогда бригад было три, а теперь десять, контора переросла в управление. Неизмеримо поднялись проходки. Сами буровики освоились на Севере и оперируют опытом больше сибирским, нежели былым. Они стали сибиряками.

Все это как бы итожило торжественное собрание: пришли принаряженные бурильщики, помбуры, слесари, инженеры. Шакшин, Петров, Исянгулов со звездами Героев на лацканах пиджаков в президиуме. Без излишнего пафоса, в меру эмоционально Самаркин читал доклад — биография управления представлялась живой историей нефтяной Тюменщины.

Самаркин знал это не понаслышке. Впервые попав в Западную Сибирь студентом-практикантом, обжился надолго. Слесарь по ремонту оборудования, дизелист на буровой, механик, главный механик — его послужной список. В работе забывал о времени и отдыхе, не гнался за окладами. Потому крепко уважали,

уважают Самаркина-производственника. А Самаркина-партсекретаря? Нашел ли себя в новой роли, ведь общественной работой раньше не занимался?

Мы близки с Петром Михайловичем.

— Перемену воспринял вначале как удар судьбы,— пооткровенничал однажды.— Однако начал наступать. Помог заменить бездеятельного комсомольского секретаря, поставил перед Исянгуловым вопросы жилья, премий, детсадов.

— Я это знаю,— сказал я.— Ты искал, Петр Михайлович, опоры в нас, коммунистах из низов, с производства. Создал партгруппы. И у нас в звене теперь есть такая — из трех человек.

— Больше того,— оживился Самаркин, в этот момент снова став похожим на мальчишку: вихор упрямо торчал на макушке, и очки в пол-лица величиной нисколечко не старили.— Я оперировал и оперирую вашим мнением перед Исянгуловым, сам знаешь — властный, привык единолично решать Абзалитдин Гизятуллович. Раньше рабочих в бригадах тасовали, как хотели, даже распускали партгруппы. Ну а теперь за такие штуки взыскиваем с администраторов,правляем их строго.

— Верно,— согласился я.— Науки о том, как работать с людьми, нет, формы и методы разнообразные.

— Применительные к конкретной обстановке,— подхватил Самаркин, в горячности махая очками возле лица, оставаясь похожим на мальчишку.— Шаталина за аварию с редуктором наказали, но тут же назначили ответственным по технике безопасности. Резонно! Глубже осознал вину и не упал духом. В бурком ввели вашего бурмастера Володю. Стражинского заинтересовали самодеятельностью, и он перестал хандрить. Я так скажу, партийная работа — человеческая...

...Осенью, когда снег просекал острой крупной, в линиях-выкидах схватился плеснувший туда раствор,

потребовалось отпарить. Альберт в то время отдыхал, как он выразился, «за семью меридианами» — у Черного моря. Федя в отгулах, вдвоем со Стражинским вышли на монтаж.

40 Умотали нас выкида. Вставляешь в трубу толстый резиновый шланг и давишь в спекшийся кремнем раствор. Пар, вырываясь, влажнит насквозь спецовку, словно только что из горячей воды брюки и куртка. Самаркин посоветовал: «Выбросьте замороженные трубы». Облачился поверх легкого фланелевого пиджака в длиннополый дождевик и смело подставлял плечи под тяжести, ломом выковыривал лед из задвижек. Как не уважать такого партсекретаря!

Летом, в жару, вагончик Альберта раскалялся до того, что больно к железу прикоснуться. Ночью открыть окна комары не позволяли.

Накануне отъезда Крайневых в отпуск собралась гроза. Парно, душно стало в вагончике, в окна скреблись тучи гнуса. Вскоре разразился ливень такой убойной силы, что срывал провода электролиний, останавливал автомашины. В массе падающей с небес воды яркими вспышками лопались электрические заряды. Крыша вагончика прогибалась под дождем и гремела. Казалось, природа хотела повымести, повychистить разом застоялую духоту. И точно, в вагончике посвежело, просветлел воздух улицы, все заблестело, заискрилось. Гнус исчез, и Лида подняла стекла окон. Легче, свободней задышалось, и Альберт повеселел, собираясь в путь-дорогу.

Добрым было предзнаменование.

И вот — море. Потянулась беззаботная отпускная пора.

В двенадцати милях отсюда бороздили нейтральные воды чужие суда, их пропускали во все стороны

света проливы Босфор и Дарданеллы. К Кейптауну, мысу Гори, Огненной Земле — к тому, чем когда-то грезил. Теперь планы Альберта напрочно связывались с Нижневартовском. И уже тяготился отпуском, свежие силы требовали приложения. Значит, пора!

По пути завернули с Лидой в Бавлы, где провел детство. Поселок был тих, уютен и почему-то.... чужд ему. Познав море и Самотлор, Альберт хотел теперь стремительного, накаленно-бурного, где каждый день опаляющ, нацелен, где каждый час — борьба. Вдвойне был счастлив тем, что нашел это вместе с Лидой, и нашел Лиду в сложной, пусть порою и жесткой жизни на Тюменском меридиане.

ОСТАЮТСЯ
СОБОЙ

Ягафаровым я обязан Самаркину. Взял за два года отпуск звеньевой превенторщиков, и срочно потребовалась замена. Петр Михайлович порекомендовал меня. Предоставилась возможность узнать шаимского богатыря номер три, как в свое время именovala Сабита бойкая пресса. Имя притягивало. Теперь Сабит не отличался особенными успехами, по-хоже, жил былой известностью. Она шагала далеко впереди, как бы сама по себе, отдельно от хозяина.

Существовало словно два Ягафарова. Один — тот, прославившийся на гребне шаимского первопроходства. Другой Ягафаров обычный: суетливый, нервозный, дерганный какой-то.

Только побывав в бригаде, я начал понимать, в чем дело.

После рекорда Петрова бригада тоже взяла обязательство пробурить 80 тысяч метров, но дела складывались неудачно, и обязательства по разным причинам, как говорится, «трещали». Ягафарова, не взирая на его известность и славу, «пробрали» на партбюро, в прессе, вот и показался мне в то время Сабит раздраженным и злым. Подчиненных понукал и сам, в нетерпении натянув брезентовые рукавицы, крутил, двигал, сваривал. Однажды при монтаже превентора обнаружился излом масляной трубки, и Ягафаров, вооружившись электродержателем и щитком, сам при-

нялся штопать этот излом. Искры брызгали, дырявили его болоньевый плащ, но Сабит весь был поглощен сваркой. Удачно наложил латку и, довольный, спросил: «Ну как!» — «Весьма», — согласились мы, тоже довольные — отлегло у бригадира от сердца.

Себя не щадил в работе Сабит и другим поблажек не давал. У буровиков отгул, а мы превентор ставим, колонную головку или ремонтируем что-нибудь. Ни одной минуты впустую у такого мастера.

Мало-помалу старания Сабита дали результаты, и в начале осени бригада выполнила пятилетку. Тотчас в управлении и на «кустах» появились «молнии». С наглядной агитацией у нас в управлении поставлено как нигде, малейшее событие фиксируется незамедлительно. Не обошли и это событие, было торжественное собрание по случаю завершения пятилетки. Собрались в красном уголке управления свободные от работы вахты — люди принаряженные, а только что явившиеся с буровых — в спецовках, сапогах-болотниках.

Исянгулов произнес краткое вступительное слово и рассказал о добыче нефти на Самотлоре.

Выступали Петров, Шакшин, бурильщики Заикин и брат Сабита Риф... В разгар митинга распахнулась дверь и стремительно ворвался Сабит — он задержался на буровой, полы его простреленного электросваркой плаща круто раздувались, на кирзовые сапоги налип раствор.

Ягафарову тотчас дали слово. Он вбежал на трибуну и распространился о... недостатках, мешавших выполнению сообразительств. «Свести простои до минимума», — таково было резюме Сабита.

После выполнения обязательств бурмастера не узнать: спокоен, благодушен, доброжелателен. Сама простота и расположенность. Не прочь вспомнить туристическую поездку во Францию. Париж и пари-

жан, виды из ресторана на Эйфелевой башне. Канны и Марсель. Мол, ничего не скажешь — хорошо, но нет такого напора жизненного, как у нас. Одряхлеешь душой.

46

Многое успел к сорока годам. На юбилей собрались ветераны Шаима и Самоглора, друзья, родственники. Народу было изрядно. Из речей узнал, что начинал Сабит с малого — с кочегара на буровой в Бирской геологоразведке, и вот спустя годы — мастер с громким именем. Большими делами прогремел в Шаиме, первые два года держал там первенство. Цепкая людская память хранит его давние заслуги.

Мне же посчастливилось наблюдать Ягафарова в буднях Самоглора, когда, запасшись «Беломором», неделями не покидал буровой, вскакивал среди ночи по тревоге и мчался к вышке. «Думаешь, много зарабатываю. Вот все накопления», — раскрыл сберкнижку: шестьсот рублей значилось в ней. Богатством считает сына-восьмиклассника и неизменную спутницу жену, счастлив любовью к ним.

Как-то ночью мы с напарником ожидали начала монтажа — пока спустят и зальют кондуктор, спали на ледяном полу культбудки. Сабит в это время бодрствовал около тампонажных агрегатов, зашел на минуту в культбудку, увидел нас, и лицо страдальчески сморщилось: «Переходите-ка в мою половину на койку, а то схватите простуду». Заняли мы ложе Сабита и его помощника Азата Шайхутдинова, укрылись красным стеганым одеялом. Много времени утекло, а помнится та ночь и красное стеганое одеяло...

...Сабит вез с буровой два вилка капусты, очень дефицитной в пору северной весны. Впереди ждали отдых, свидание с семьей, и, казалось, все заботы

Ягафарова остались на буровой. Вдруг он обернулся к бурильщику Заикину:

— Придется те дни отработать.

И назвал, какие именно дни.

Дотошность — одно из свойств Сабита. Касается ли дело обвязки устья скважины, учета бурильных труб или самого процесса бурения: когда и как сменить долото, соблюсти качество раствора. При монтаже превентора десяток раз появится, все осмотрит, проверит. Придирчивее самого инспектора Ветвицкого. Оно и понятно: ему ведь, не инспектору, с противовыбросовой установкой работать. Силен именно этой своей дотошностью, умением требовать в мелочах, ничего не упуская. 47

На восьми скважинах первого в году куста хорошо, споро разогнался и потому в настроении. С вахты возвращается спокойный, благодушный. Ввертывает байку. В автобусе смеются. Смеется и сам Сабит — беспечно, весело.

Это был один из многих ничем не примечательных рейсов с буровой, похожий на предыдущие как две капли воды, и никто не подозревал о близком ЧП — потере ствола скважины.

Неделю-другую не вызывают нас на монтаж — что такое! Отправляемся узнавать. Бурильщик Иван Заикин только что с ночи, хмур, суров, красивые губы плотно сжаты. Но деловитость прежняя, и растерянности нет. Объясняет: третий раз забуриваются в поисках ствола — и безрезультатно. Почти месяц безуспешных попыток.

Но где же Ягафаров? Захожу в культбудку и вижу: торчат кирзовые сапоги Сабита, бурмастер лежит на спине и прикладывает к носу вату, стараясь остановить кровь.

Бросаюсь к радию вызвать «скорую помощь», но Сабит протестующе машет.

— Давление подскочило,— объясняет.— Нельзя мне к врачу, сразу на больничный засадит. А тут такое... Принеси лучше воды.

Уехал Сабит, лишь когда сообщили:

— Порядок! Надыбали ствол.

Сабит сходил, удостоверился и вдруг сразу успокоился, стал сонливым. В автобусе дремал, голова запрокидывалась назад, так что шляпа чудом удерживалась. Врачу все-таки показался:

48

— Это у вас от перенапряжения,— сказал терапевт.— Неделью никаких буровых, никаких беспокойств.

Но куда там! Через пару часов он уже на кусту. Там же помощник — новичок Азат. Авария случилась при нем, но бурмастер не упрекал и без того удрученного парнишку. Как заметил, он вообще не отзывается о людях плохо. Даже в самые критические моменты не спешит со скороспелыми, под горячую руку, оценками.

Жизнь учила Сабита: самое главное — дело. Просмоленный, просоленный работой, в которой терниев куда больше, чем роз. Окончил семилетку, потом железнодорожное училище. Ремонтировал паровозы. После армии занесло Сабита в геологоразведку, в ней-то и нашел по-настоящему себя, поднявшись до мастера. В Урае два года держал первенство: при обязательстве 40 тысяч бурил 42. В то время лишь три бригады страны имели такой результат.

При воспоминании о шаймских временах всплывает малоизвестный штришок из жизни нынешнего Героя Социалистического Труда бурового мастера Ягафарова: Сабит в должности снабженца и начальника проектно-ремонтного цеха. На «узкие», «хромающие» участки бросали Сабита, «прелестей», первопроходческих хватил сполна. Спрашивали и по административной, и по партийной линиям. Зато научился терпению и понял цену каждой мелочи в работе. Перенял по-

лезное от брата, опытнейшего бурильщика, и от давнего приятеля Ивана Заикина. Этих двоих особенно чтит. На недавнем сорокалетии Сабита сидели они на почетных местах, в центре застолья. И говорил Сабит на этом своем торжестве не о себе, а взволнованно, с чувством говорил о повседневной своей опоре — славном племени бурильщиков и помбуров.

Тогда-то и узнал я, что оба они — Риф Ягафаров и Иван Заикин — орденосцы, оба шаимцы.

Зато другие о Сабите говорят часто, и знают его на удивление многие, особенно молодежь. Заметилось после указа о присвоении звания Героя, событие это обсуждалось повсеместно, пристрастно...

49

...Весна никак не переходила в лето: холода, ветры, слякоть. Ледоход тоже затянулся. У строителей города кончились материалы, поистощились магазинные склады, а баржи с грузом ждали навигации в Тюмени.

Тронулся лед семнадцатого мая. Он пошел двумя сплошными грядами, между ними — полосы чистой голубой воды. Туда смело заплывали моторки и лезли днищами на лед. Тот был смирный, усталый какой-то, не громоздился торосами, должно быть, оттого, что залежался под водой, потерял напор.

Навстречу ему уже выказывались первые суда. Народ на берегу радостно приветствовал их, и среди собравшихся я увидел высокую фигуру Стражинского. Прищурившись сквозь очки, он смотрел на суда — вестники навигации, и лицо было разгоряченно-красно от свежего ветерка.

— Новости, — обрадовал Стражинский. — Сабит закончил скважину.

Наконец-то! При встрече я утешил Сабита:

— Наверстаешь потерянное.

— Обязан навестить,— отозвался воспрянувший мастер.

Отпуск ему полагался по графику, но отнекивался:

— Метров мало, да и Азат неопытен. Как одного оставишь!

— Но ведь придется же оставить.

Молчит Ягафаров, дымит папиросой и заминает эту тему воспоминаниями о Франции. Лишь просьбам жены уступил: Фариде требовалось подлечиться.

50

В первый день отпуска буровой все-таки не миновал, явился на монтаж превентора, и по рации начальнику смены:

— Присылай кран поднять фонтанную арматуру, а то скважина останется открытой. Как хочешь, я разрешения на монтаж превентора не дам. Что! Трайлер! Ну, трайлером займись сам, мне кран надо...

Под утро явился Ветвицкий. Излюбленный «Интер» уже не курит, вообще не курит, молча похаживает да поглядывает. К шпилькам на фланцевых соединениях придрался, не принимает монтаж. Едва Сабит уговорил его, а потом насел на нас и, пока не перекрутили каждую гайку, следовал по пятам — второй Веревкин,— твердя: «Вот остановит инспектор буровую, где потом метры возьмем!» Второй отпускной день тоже провел на буровой.

Вот и рассуждай о героизме мирных дней. Очень он прозаичен, этот героизм, не порыв, не мгновение, а каждодневное, порой и круглосуточное действие. Героизм без пышных фраз.

Отпуск Сабит проводил в деревне Байгузино под Янаулом. Там и застал его указ о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда. Рано утром в окно постучал завуч школы, где Сабит учился: Москва в «Последних известиях» передавала... К обеду пришли газеты.

— Обрадовался! — спросил я его потом.

— А как же! — И показал поздравительные открытки и телеграммы — целую стопку добросердечных, дружеских посланий: из объединения Запсиббурнефть, лично от первых секретарей обкомов партии и комсомола, от министра, из штаба Всесоюзной ударной комсомольской стройки, от многих друзей и просто сослуживцев. В них говорилось о нем, как о наставнике молодежи, к сорока годам воспитавшем не одну смену помбуров, бурильщиков, мастеров. Его помощник Николай Поскорков сейчас возглавляет бригаду в третьем буровом управлении, и бригада — одна из лучших.

51

— Знаешь, я воспринимаю эту награду как аванс, который придется отрабатывать всю жизнь, — сказал мне в тот раз Сабит.

...Мы беседовали с ним за вечерним чаем. Фарида тут же, склонившись над столом, писала письмо. Черные волосы волнами падали на плечи.

Сабит нежно смотрит на жену и говорит:

— А в молодости была еще красивее. Мы с ней познакомились в Байгузине, работала там в сельпо. С тех пор друг за другом, как нитка за иголкой.

— Только нитка — я, а иголка — ты, — уточняет Фарида.

Верная спутница жизни у Сабита, не для ее здоровья Север, но терпит ради мужа и его дела.

— Роберт, опять допоздна читаешь, — обращается Сабит к сыну, который в соседней комнате, — испортишь зрение. — И снова оборачивается ко мне: — Помешался парень на книжках, не по возрасту мудреные поглощает. И к изобретательству пристрастен: на днях разобрал приемник, так что ни один мастер теперь не починит. Хотел наказать, да вспомнил, что сам когда-то любопытничал...

Пора на отдых и Сабиту. Завтра он поднимется в пять и первым делом справится по телефону у дис-

петчера: как на буровой! Натянет кирзовые сапоги и спорым шагом отправится на автостанцию. Так до следующего отпуска, до самой пенсии.

— Пока хватит сил, буду в бурении,— сказал в тот же вечер.

Звезду Героя ему вручали в Тюмени на торжественном собрании по поводу награждения Главтюменьнефтегаза орденом Ленина. Министр крепко пожал ему руку: «Так держать, Фатихович!» В перерыве снова подошел: «Дай еще раз поздравлю! Молодец!»

Участники торжественного собрания вскоре разъехались, а ему на пленум облсовпрофа оставаться и по депутатским делам... Уже по пути в аэропорт заглянул к знакомому еще с Урая артисту облдрамтеатра Борису Медведеву. Тот собирался на репетицию.

— Играю роль бурмастера в пьесе «Одержимые»,— сообщил Борис.— Помог ты мне, Сабит, чрезвычайно. На сцене тотчас тебя вспоминаю и сразу вхожу в роль, вот только сапоги подсунули не те — меховые, с иголочки. На буровой же грязи по колено.

— На бесхозьяственной, где плохо отсыпана площадка и вахты поливают раствором,— да,— живо возразил Сабит.— Но меховые, верно, не надеваю, предпочитаю кирзовые. Третью пару на Самотлоре донашиваю.

Борис слушал.

— А помнишь, Сабит, нашу вылазку в Шаим! Кажется, давно ли, десяток лет минул. И привезли-то водевиль Рацера и Константинова, легонький, ни о чем.

— Ну уж и легонький. Как будто буровикам смех не нужен, как будто они юмор не понимают. Помню другое: нас веселили артисты драмы, а сами зябли на сквозняке у буровой,

— Забыл, ей-богу, забыл, — улыбнулся артист. — И о легкости водевильной не сокрушаюсь. Появились и о тюменских первопроходцах пьесы.

— О геологах — да, но не о промысловом бурении. У нас на Самотлоре шекспировские страсти творятся... Отстают драматурги. Пока усвоят то да се, он новые ребусы задает, — лицо Сабита серьезно, внимательно, взгляд сосредоточен и выражает заинтересованность. — «Одержимых» обязательно посмотрю. Любопытно и мне, как кабаевцы Мертвое озеро рассекретили... Мы рассекречиваем скоростные проходки.

53

К концу осени бригада Сабита освоила 14 скважин. А всего нужно было освоить 17 да еще две в честь XXV съезда партии.

— Могли больше дать, — пожаловался Сабит, — нехватка кустов и станков. Из-за этого создаются «окна» — простои.

На буровой только что сменили долото и начали спуск буринструмента. Верховой специальным крючком, как скользкую крупную рыбину, хватал «свечу» — две спаренные трубы, крепил в элеваторе, и почти одновременно Иван Заикин включал автоматический круговой ключ. Словно истосковавшийся по добыче, ключ хватал «свечу» пастью и принимался вращать, пока бурильщик не размыкал его челюсти. На бешеной скорости ключ отскакивал, чтобы напасть снова. Но за это малое время Заикин опускал «свечу», и операция с наращиванием возобновлялась. Лениво изгибаясь длинными, тонкими телами, тускло отблескивая, трубы одна за другой уходили в глубину.

Мытое-перemyтое дождями небо над буровой с легкой просинью. Тонкая пленка облаков и при ясном дне ухитрялась остаться, грозя непогодой. В отдалении привядшие листовые лесочки выявились, завладели фоном — сплошная желтая кайма в обзоре. Осень! За половину года перевалило. А успеть надо

еще многое, опять, как в первые дни знакомства, угадывается в мастере напряженность.

Привозят трубы, и девушка-экспедитор просит Сабита подписать накладную, но он противится:

— Неодинаковой длины, есть короткие, а вы их все под одну гребенку. У меня же недостача будет. Сегодня сто метров да завтра двести, смотришь, и набегит тыщонка. Откуда ее восполнить, из каких резервов? Измерьте, пересчитайте точно, тогда подпишу.

— Неужели каждую измерять, пересчитывать! — удивляется девушка.

— Именно каждую,— Сабит берет рулетку и лезет под трубовоз, аж под самые колеса.— Вон они, короткие трубы, всего лишь по семь метров. Целый выводок.

— Я что — специально их подбирала! — возмущается девушка.— Не хотите брать, обратно увезу!..

— Везите,— отвечает Ягафаров,— без труб не оставят.

Девушка начинает всерьез нервничать: то краснеет, то бледнеет, но Сабит неумолим. И сбить его невозможно, он на своем коньке. Мелочей для него нет. Вот и с трубами тоже.

— Никто не считает, не меряет,— чуть не плачет девушка,— один вы придираетесь. В другой раз лишнего, если хотите, подброшу.

— Лишнего не надо. Это не частная лавочка, а государственное предприятие,— доносится из-под трубовоза.

Девушке видны кирзовые сносившиеся сапоги мастера. На них и направила разгневанный пристальный взор.

— Вы что!.. Вам больше всех надо!..

Кончается тем, что машина отбывает порожней и без экспедитора. Покорившись судьбе, девушка вместе

с Сабитом измеряет и считает насосно-компрессорные трубы, гохожие на огромные макароны. Время от времени бросает взгляд на озабоченное круглое лицо мастера и, возможно, думает: «Герой, а такой обычный и... придиричивый».

Ягафаров оставался самим собой.

В ТЕ ПАМЯТНЫЕ ДНИ

Статья словно задевала его самого. В который раз, просмотрев столбцы, Петров отложил газету и задумался. Автор снова костерит многовахтовку, которой уже нет, но которая в свое время решила проблему разбуривания Самоглора. Без нее не было бы нынешних скоростных проходок, это многовахтовка разожгла соревнование, всколыхнувшее буровиков.

Вот были деньки! Весь Нижневартовск, да что Нижневартовск — Западная Сибирь следила за спором! В управлении буровых работ № 1 (УБР-1), старожиле на Самоглоре, вначале иронизировали над шамцами, мол, «колодцы» только — мелкие скважины — черепашьими темпами бурить могут. Шакшин, Ягафаров, он — Петров и молодой выпускник Тюменского индустриального Володя Глебов изменили мнение.

В УБР-1 мастера тоже что надо, асы: Левин, Громов, Мигунов. Особенно Левин молодчина, еще в Поволжье взял разбег, здесь стал Героем Социалистического Труда, отменным профессионалом. С Геннадием Михайловичем и пришлось состязаться. Вырвались они далеко вперед и пошли локоть в локоть, бок в бок, что называется. Ему удалось обойти волжанина и уже в ноябре достичь желанных 80 тысяч. А всего до конца года пробурил 93 тысячи метров.

Следом пересекли рекордную черту Левин, Громов, Шакшин.

Подлинное вдохновение царило. Не официальная, для парада, шумиха — взбодряло буровиков соперничество в мастерстве и удали, оно пробуждало дух азарта, подтверждая, что в массовости — сила соревнования, из общего потока выделяются знаменитости и ведут за собой остальных.

56

Как правило, рекорды не остаются уделом избранных. Сегодня победили одни, завтра — другие. Да и может ли быть иначе, если никто не таит своих «секретов», если сильный помогает слабому. В том и сила соревнования.

Изнутри, из самой жизни произрастало то соревнование и породило эксперимент, который не всем пришелся по нраву. И если он не всегда приводил к желаемому результату, то виною тому были те, кто его проводил. Но противники многовахтовки не унимаются, вот и этот тоже. Петров сердито пошуршал газетой и вслух внятно сказал:

— Верхогляды! Бригадный подряд в бурении — логическое завершение многовахтовки. На пользу эксперимент.

Победа — на всех одна

Отправив кран, Петров и сам завернул к нам на куст. Присели они с Шакшиным в культбудке на трехногие круглые стульчики и разговорились. Одно ремесленное в Башкирии кончали, вместе в геологопоисковой конторе трудились, есть что вспомнить. Как вышки лошадами перетаскивали, движение раствора определяли на слух, приложив ухо к шлангу: от этого щеки постоянно пачкались. И неделями вне дома, на сухом пайке — столовые на буровых казались тогда непозволительной роскошью.

Их первый мастер-наставник Елисей Пругло строгость проявлял, запрещал принимать вахту, пока ключи по смене не сдадут. Но ушел Елисей на пенсию.

— Его можно понять,— сказал Григорий Кузьмич,— всю жизнь буровые — и больше ничего.

Но Елисей Елисеем, ему с Шакшиным еще вкалывать да вкалывать. Они в строю, на передовой. Раньше месячный план составлял 700—800 метров, а теперь за полторы — две недели тысячные проходки. Однако и такие уже не предел, замахиваются на большее.

57

Соревнование и занимало бурмастеров.

Шакшин в то время отставал от Кузьмича на 13 тысяч метров. Перед этим он уходил в отпуск, помощнику Анатолия Дмитриевича за двумя кустами где там успеть, и всякого рода неполадки участились. Разрыв в проходке увеличился. 73 часа потеряли из-за обрыва бури instrumента, когда связка труб длиной в полкилометра улетела в скважину. В другой раз непредвиденное стряслось с таль-блоком, по которому вверх бегают тросы лебедки.

Кузьмич знает про аварии, но дипломатично молчит, чтобы не ранить душу земляка. Впрочем, Анатолий Дмитриевич не из слабохарактерных, чуждо ему сиюминутное, суетное. Устоялся богатырь номер один, поступь ровная, уверен в себе и бригаде.

Такой напрашивался вывод.

Петров в пору зрелости только входит, ему рекорд непременно подавай. В азарте одоления Григорий Кузьмич.

Присадистый, глыбный, много в нем силушки подспудной, корневой. Вот поднялся с пошатнувшегося стульчика, и сразу стало видно, как могуч телом, напорист. Крутым лбом словно невидимую преграду прошибает, навстречу сильному ветру продвигаясь. Да и

Шакшин — достойный капитан пятилетки, всегда спокойно сдержанный, по-солдатски подтянутый. За его спиной детство в чужой семье, раннее рабочее начало с длительным восхождением к признаниям.

Разные у них с Григорием Кузьмичом почерки характера и труда, но суть одна — оба маяки, на них равняются, за ними следуют остальные.

Восемьдесят тысяч Кузьмич дал накануне Октябрьской. Тотчас на куст-именинник по молодому снежку пришло представительство горкома партии, горисполкома. В типографии местной газеты жирным шрифтом набирали сообщение об этом.

Победителей чествовали и в городском Доме культуры «Юбилейный». Перед митингом узрел в фойе Кузьмича с орденом Ленина на лацкане добротного пиджака. По-обычному подаваясь вперед выпуклым лбом, Петров журил молодого симпатичного бурильщика в клетчатой ковбойке за то, что перепутал график и ошибочно дал вахте выходной. Было в пониженных нотках голоса, в как бы придымленных с прищуром глазах нечто такое, что заставляло парня робеть. Я попробовал отвлечь Кузьмича, но он напустил отсутствующий вид и важный уплыл на сцену в президиум.

После поздравлений поднялся на трибуну отныне [следуя прессе] богатырь номер один и с расстановкой, замедленно принялся говорить, упирая на «мы», «наше»: рекорд — заслуга не только бригады, а и вышкомонтажников, дорожников, горкома партии и горисполкома, различных служб управления. Еще Кузьмич заявил:

— Рекорд — это не самоцель, а разведка технологических и организационных возможностей. За лидерами соревнования последуют другие и, без сомнения,

достигнут большего. Не числом, а умением брать рекорды, и чтобы во всем государственный подход.

Его теория подтвердилась вскоре им же самим.

Закончил Кузьмич обещанием пробурить до конца года еще 13 тысяч метров, а в следующем дать все сто. Веское обещание заставит напрячь умы, пересмотреть планы и обязательства. И все это он, некогда безвестный помбур из Бирской геологоразведки.

Терпение и одержимость вознесли Кузьмича к высотам славы, и нефтяная целина Среднего Приобья тому способствовала. К месту и времени пришли лучшие качества Петрова.

В пьесе Погодина «Кремлевские куранты» Владимир Ильич говорил рабочему Прошке: «Будешь, Прошка, управлять государством». Верным оказалось напутствие! Управляет государственными делами бурмастер — рабочий Григорий Кузьмич Петров. Не раз избирался членом обкома партии, депутатом областного Совета, а Геннадий Левин из первого управления и того больше — заместитель председателя Президиума Верховного Совета РСФСР. Величины из народа! Когда требуют время и обстановка, самые глубины его выдают таланты, достойные пера летописца.

Такие ассоциации навеял митинг. И еще чувство праздника. Сама природа радовалась событию. Небо приблизилось к земле и словно бы заглядывало в лица высыпающих из Дома культуры. Снежинки касались плеч, щек, ресниц. Молодили и наряжали землю, усиливали настрой чистоты, бодрости.

И ясно было, что победа Петрова — победа каждого из нас, сознание сопричастности к ней владело. Хорошо, что случаются такие торжества. Счастье увидеть их, еще большее счастье вложить свою толику во славу края. Это понимали если не умом, то сердцем.

Спор за первенство продолжался... Под занавес года меня окликнул в коридоре управления секретарь парткома Самаркин: «Зайди-ка». Я зашел. В просторной, на первом этаже, комнате состыкованы буквой «Т» два лакированных стола: массивный, начальственный, и поперек его столик поскромней, для приглашаемых. Столик-приставка. Увидел Кузьмича и его помощника Рифката Ибрагимова, круглолицего, круглоголового.

Были здесь парторг бригады Кажаяев и в полном составе вахта Гумара Гиндуллина, такого статного уса-ча. Усы под стать чапаевским, вразлет.

Все спешно — с буровой. Грязь на лицах, на руках. Что за аврал такой! Буровики по части туалета — народ щепетильный, чумазами в партком не явятся. Что-то экстравагантное сорвало их. И точно, Самаркин протягивает свежий номер «Правды» с поздравлением Леонида Ильича Брежнева.

Буровики — народ бывалый, тертый, умеют сдерживать эмоции, но у Кузьмича глаза без обычного прищуря, подозрительно повлажневшие и постоянное выражение полуулыбки на губах стерлось. Все лицо обмякло, «распустилось». Помощник резче, порывистей стал. Остальные из вахты торжественно-суровые. Партгруппорг Кажаяев положил на столик-приставку замазанные руки, и на зеркальной глади остались два отпечатка, руки заметно подрагивали. Молодцеватый Гумар знакомился с текстом стоя, беззвучно шевеля губами.

Пронзительно затрезвонил телефон.

Самаркин поднял трубку. Голос первого секретаря горкома, сильно приглушенный в мембране, спрашивал о митинге и речах-выступлениях — готовы ли? Из-за них-то и звал Самаркин меня, редактора стенгазеты, помочь откорректировать.

Мне достался Григорий Кузьмич, уверенно, и в прежнем ключе — «мы, не один я» — заявивший, что

дадут в будущем году сто тысяч метров, не уронят чести буровики.

Он сутки не спал и теперь, разморенный теплом, клонил на грудь крупную лобастую голову. Поставил последнюю точку: «Готово!» — и в ожидании моего мнения привалился к стене. Дремал бодрствуя.

Слегка подправив стилистику, я отправил текст на машинку, подзавел Кузьмича:

— Только не зазнаваться.

Меня поддержал помощник Рифкат:

— Придется, Кузьмич, обмыть золото, иначе заржавеет.

Намекал на Звезду Героя, которая теперь-то непременно будет.

— А ну вас, липучки. Не поймали, а уже отеребили, — Петров оторвал от стены громоздкое, тяжеловесное тело, разлепил веки. — Пойду переседеваться.

Выступал Самаркин после первого секретаря горкома, оратора искушенного, опытного. Принялся было читать по бумажке, но сбился и, как часто бывает, проще, доходчивей объяснился своими словами.

Кузьмич последовал его примеру, «заготовка» оказалась без надобности.

Совместный рейд службы главного механика со стенгазетой выявил захоронения под снегом задвижек, труб, слабый учет механизмов и приспособлений.

По этому поводу Самаркин гневался на собрании, в горячности своей став похожим на мальчишку.

— Забота о ключах, насосах, лебедках — вот главное! «Железо» — хлеб насущный, надежда наша и слава. С голыми руками где сядешь, там и слезешь. Повоюй-ка на одном энтузиазме...

Темнел, суровел взглядом, и уже видно было, что ему за тридцать, морщинки возле рта, вот только энтузиазм прежний. Живет в нем постоянно, повседневно.

— Если бы каждый относился с пониманием,— наступал Самаркин,— сколько шпилек, гаек, элеваторов берегли бы!

Он любит слово «резервы» — не деячески-формально, а в его живой, наполненной сути, точно выражающей задачи дня.

62 Добрым, располагающим веяло от Самаркина, его улыбка подкупала. Она — словно духовное выражение партсекретаря. Есть в нем что-то от сельского учителя. Селянин из Поволжья. Жизненный путь Самаркина, как и путь Петрова, Шакшина, самобытен, заслуживает отдельного описания. Но сейчас о его трудной переквалификации. Как справился.

В начале своей новой карьеры на каком-то мероприятии он закатил тираду:

— Мы должны бороться за передовые формы труда, всемерно вскрывать резервы и мобилизоваться на текущие планы.

С тех пор минули месяцы, он освоился, но еще было неясно, на месте ли, с пользой ли для дела. Листал толстые партийные справочники, прислушивался ко всему и всем, во все вникал. Учился добросовестно, кропотливо...

...После митинга писали сообщая ответ Леониду Ильичу. Письмо наше потом появилось в «Правде». В «Правде» же опубликовали указ о присвоении Кузьмичу звания Героя Социалистического Труда, членов бригады наградили — кого орденом, кого медалью.

Опять митинг в «Юбилейном», взволнованные речи и чувство праздника. Фотографии Кузьмича замелькали в газетах. Его приглашали на всякого рода форумы, встречи, а местный художник пририсовал на портрете в городской аллее Почета Звезду Героя.

Так шумно закончился год.

Видимо, крепко задел Левина прошлогодний проигрыш. Еще зимой завершил он бригадную пятилетку, а вскоре с пятилетним заданием справилось все управление № 1, хотя предполагалось добиться этого лишь осенью. Левин первым достиг и ста тысяч метров.

В тот же день провели митинг на буровой, а вечером — в Доме культуры «Юбилейный». Как и год назад, празднично, торжественно было, вахта Генията Сабирова, пробурившая последние метры под музыку, внесла в зал алое знамя Почета и заняла место в президиуме. Митинг затянулся, но не уходил никто. Особенно тепло приняли виновника торжества. На вид Левину тридцать с небольшим: крепкий посад шеи, развитые плечи. Уверенный, привычный взмах руки, густой голос выдавали широкую русскую натуру.

Погода стояла на редкость удачная, снежок выпал, неоновые огни по улице мягки, ласковы, голубая дымка от них исходила. На краю неба, точнее вполнеба, пламенело зарево Самоулора и вставали отвесно световые столбы-блики от факелов.

Хорошо, что случаются такие торжества.

Полторы-две недели спустя дал сто тысяч Григорий Кузьмич Петров, но он был вторым, и ограничились митингом на буровой да премиями бригаде. А в ночь под Новый год перевалил заветный рубеж бурмастер первого управления Громов — соревнование рождало новые имена, новые Звезды. И это было подтверждением его действительности.

Одна за другой рапортовали о выполнении обязательств бригады Ягафарова, Шакшина, Глебова... Благое дело — соревнование, оно заставляет работать дружнее, собранней, добиваться, казалось бы, невозможного.

В пылу рекордов упустили существенное: буровые бригады повсюду в стране из четырех вахт, с одной буровой. Когда бригада из восьми или семи (как в первом управлении) вахт, удваивается число людей и буровых станков — два, а показатели — без учета этого. Но ведь два трактора больше вспашут, чем один, две прядильщицы больше наткут, чем одна. За это и уцепились.

Первый камень в воды общественного мнения метнул главный геолог самого молодого управления Зубарев, до недавнего времени наш работник и, следовательно, хорошо знавший подноготную. В местной газете Зубарев поместил статью с красноречивым названием: «Четырех- или восьмивахтовая!», именую сторонников прежней четырехвахтовой системы «скептиками», а восьмивахтовой — «новаторами». Прибегнул к подробному анализу строительства скважины, всеми посылками утверждая несостоятельность многовахтовки. Рассматривал многовахтовку как две бригады под одной крышей.

И закрутилось-завертелось. В полемику втравились журналисты, ответственные работники главка — дискуссия велась и на страницах окружной и областной газет. Центральные вначале словно раздумывали — как быть им, объявившим поход за сто и даже сто пятьдесят тысяч метров! Четырьмя вахтами самое большее пятьдесят-шестьдесят тысяч осилишь. Спросят, куда девались рекордсмены! Левин рискнул общему хору возразить, вступился за многовахтовку, найдя в ней уверенные плюсы и отметив, что УБР не готово к делению бригад из-за нехватки мастеров, но его голос утонул в хоре здравниц прежней, классической системе.

Вот такая катавасия заварилась. Стали искать липу там, где ею не пахло, настораживались, критиковали,

предвещали. «Четыре или восемь!» — с этих позиций оценивалось все, вплоть до человеческих взаимоотношений. Через призму числа вахт смотрели.

Первое управление по-прежнему ратовало за многовахтовку, а у нас ее отметали напрочь, предпочитая старую систему. Не использовали все возможности многовахтовки, к примеру, организационные. Не лучше ли было пересмотреть планы многовахтовых бригад соответственно количеству людей и буровых станков? Сам по себе возврат к прошлому ничего не прибавлял.

Григорий Кузьмич хмурился, морщил лоб.

— Что, молодец, не весел, аль огорчен проигравшем Левину! — заинтересовался его давний приятель и заединщик во всех починах Гумар Гиндуллин. — Стоит ли кручиниться!

— Не то, Гумар, — открыто, без обычного прищуря посмотрел мастер. — Вспомни, многовахтовка в сущности наша, родилась в Шаиме. Бурили там быстрее, чем в Башкирии, и для подготовки к очередной скважине ввели две дополнительные вахты. Так появились подготовители...

— Так, — машинально подтвердил бурильщик, уясняя, куда клонит Петров.

— На Самотлоре бурение кустовое, — продолжал Петров, — проходка еще больше возросла, и двух вахт подготовителей стало не хватать.

— Факт, — кивнул Гумар-усач.

— Но ведь скважину мало пробурить, ее освоить надо, чтоб открыл задвижку — и готово, пошла нефть. Пока куст не освоен и не сдан промысловикам, он не в счет: нефти не дает и денег за него не платят. Весьма важный пункт — освоение. Ведь сколько скважин и суток вырвем, столько и дополнительной продукции. Усилия надо сосредоточить на вводе скважин в эксплуатацию, только тогда Самотлор выполнит задачу по добыче, сами по себе метры — еще полдела. При комп-

лексном подходе не будет подготовителей, аварийщиков, буровая бригада из четырех вахт — единый хозяин и ответчик на кусту, — ударно подвел к главному мастеру.

— А рекорды? Ты же на сто пятьдесят тысяч замахивался.

66 — Зачем они, такие, если общество внакладе! Меньшим числом взять больше — вот заслуга, вот государственный подход, — еще больше воодушевился Петров. — При многовахтовке выигрыша в производительности нет. Большой численностью, улучшенной технологией и благоприятными условиями Самотлора пользуемся. К тому же четырехвахтовка позволит применить бригадный подряд, назрел злобинский метод в бурении.

— Кто-нибудь пробовал до нас? — у Гумара усы задвигались, он беззвучно, словно подсчитывая выгоды, пошевелил губами.

— Хазиев в Татарии, но его опыт мало известен. Самим докапываться надо.

И они отправились к Исянгулову.

— Сами будем устранять брак. Сами будем скважины осваивать. Все как положено. Бригада отвечает за весь цикл — от забуривания до сдачи скважин промысловикам.

Начальник управления помолчал, подумал.

— А освоение? Не кажется спорным?

— В Шаиме обходились же без освоенцев, сами сдавали скважины, — загорячился Петров. — В конце концов попытка не пытка, я за право на эксперимент.

— Все это так, но в Шаиме и проходки были другие, и скважины одиночные, — выставил контрдовод Исянгулов. — Освоение со станка поубавит метраж.

— Зато повысит добычу, — нашелся Петров. — Сейчас большинство кустов сдаем в конце месяца, с запоз-

зданием,— Григорий Кузьмич с несвойственной ему поспешностью придвинул лист бумаги. — Если те же самые скважины запускать, скажем, двадцатого — выиграем десять дополнительных скважино-суток, если десятого — двадцать. Все это — нефть. Она и будет определять успех, а не метры сами по себе. Метры лишь составная общего результата.

— Ты меня знаешь, Кузьмич, я никогда не был противником нового,— поставил точку над «и» Исянгулов.— Согласен заключить с бригадой хозрасчетный договор.

67

В эти дни я встретил Левина. Геннадий невысок, полнолиц, одет скромно, в черный кожаный реглан на «молнии». И держится скромно. Родился он в Баку, но жил и учился в Сызрани. В 1961 году экстерном сдал на мастера. Из Поволжья его сагитировал нынешний заместитель начальника управления Шимонаев. И вот с февраля 1969-го на Самотлоре. До переезда сюда Кузьмича не было ему равных по проходке, непревзойденной считалась бригада. По-настоящему завязалось соперничество с шаимцами.

Выражение глаз, всего лица Геннадия словно бы виноватое, наверное, газетные нападки за многовахтовку тому причиной. Я и завел разговор издали, с биографии.

— Вначале мы осваивали скважины со станка, а отстали от Петрова лишь на две тысячи метров,— рассказывал Левин.— Начальник управления предложил тогда создать бригады освоения. Создали. И пожалуй-ста, обошли Петрова. У него восемь вахт было, у нас строго семь, ни одного лишнего человека. Тогда-то и задумались всерьез о специализации. У освоенцев установка «Бакинец», инструменты, приспособления, навык — по двести насосно-компрессорных труб за вахту спускают. Сама буровая бригада полмесяца на освоение тратит. Разумное разделение труда. Не делают же

автомобиль, трактор или самолет на одном предприятии, десятки заводов участвуют. Но Петров за освоение со станка — нашла у нас коса на камень.

Незадолго перед этим Григорий Кузьмич выступил в той же местной газете со статьей «Специализация или бригадный подряд!», на трех полосах разверстанной. Отстаивал рьяно комплексный подход в строительстве скважин.

68 Сшиблись мнения двух наимаститых богатырей Самотлора. Который же прав! Газеты поспешно взяли сторону Кузьмича.

— 7 или 4! — задумчиво произнес Геннадий. — Сплошь да рядом язвят нас журналисты за многовахтовку. Действительно, есть в ней неудобства: не знают вахты точно, когда выходной, и мастеру хлопотней, больше сил вкладывает, но и преимущества явные. При радиационном каротаже, демонтаже буровой и прочих «окнах» четырехвахтовки сидят на тарифе, у нас в это время выходные. Компенсируем сполна переработки, никаких таких простоев, как иные критиканы преподносят. В условиях Самотлора при скоростных проходках многовахтовка выгодней, как ни крути. Возврат к четырем вахтам уместен, когда решим проблему разбуривания Самотлора...

Убежден был в своем Геннадий.

По-серьезному, по-большому счету сшиблись мнения. Кто прав, предстояло решить времени и практике.

ОСЕННИМ ДНЕМ

Пасмурным осенним днем с непрекращающейся моросью, когда небо вплотную придвинулось к земле, отправлялся я в бригаду к Петрову. Главное озеро на газовой шапке, внимание к превенторам здесь утроен-

ное — дежурили и после монтажа установки. Из-за этого и пришлось поехать на куст к Кузьмичу. Мастер в короткополой шляпе, в белесом, как бы застиранном, плаще и резиновых сапогах. Перекинулся в карты с вахтой, посудачил о том о сем в автобусе. Молодой симпатичный бурильщик, запомнившийся мне по Дому культуры «Юбилейный», где перед митингом отчитал его Григорий Кузьмич, заказал передовую для бригадной стенгазеты, и мастер охотно согласился:

— Напишу.

69

Автобусик все катил, подпрыгивал на плитах бетона, и сквозь дымку мороси проступали желтеющие лиственные лески, бесстрастно полыхающие газовые факелы. Автобусик-таки продрался под навесом туч, вильнул к песчаной дамбе среди озера, и вот уже он вышагает над волнами. Буровая появилась неожиданно, как привидение-великан в размытом дождем пространстве.

Вахту сдавал Гумар Гиндуллин. Он несколько огрузнел, раздался в плечах с того памятного вечера в парткоме, когда готовились к митингу, прибавилось седины в шевелюре, но усы все такие же молодецкие, чапаевские, и силою веяло от большого крепкого тела, массивных, развитых плеч. Гумар в намокшей, заляпанной раствором брезентовке, лицо влажное после непогодной ночи. Весь Гумар — старание, деловитость, заполняет буровой журнал и по рации дает диспетчеру полный отчет о потраченном времени.

Подобно большинству шамцев, начинал Гумар в Башкирии. Но с Петровым встретился уже в Урае, и с тех пор они неразлучны. Именно в бригаде Кузьмича пробурил за вахту 550 метров — поставил рекорд по Западной Сибири, воспитал за минувшее северное десятилетие не одну смену бурильщиков и помбуров.

На Самогторе потяжелей Шаима пришлось: разрезы газоопасные, незнакомые, бурили утяжеленным рас-

твором. Но привык, освоился. Орденом Трудового Красного Знамени награжден, ударник коммунистического труда, во всех отношениях человек устойчивый, основательный.

— Так, так,— подначивает Кузьмич.— Не смотри, что он такой тихий. «Волгу» вот захотел — не меньше. Напишу, напишу в министерство. Не грех знатному бурильщику «Волгу» иметь.

70

Вдалеке, за полосой воды, проступает редкий тундровый соснячок по мшаге, никнет под окнами культбудки березка — довольно унылая картина, но в душе ни грусти, ни уныния. И это от сообщества с Гумаром и Кузьмичом.

Гумар скоро уезжает, но Кузьмич не торопится с разговорами, зато говорит без наводящих вопросов, о самом существенном.

— Десятая пятилетка,— сразу о главном,— пятилетка эффективности и качества. В связи с этим мы пересмотрели организацию работ и перешли на зловинский метод, позволивший заняться полным циклом строительства скважин. С начала года пробурили их восемнадцать и все сдали на «отлично», а раньше держали бригады по ликвидации брака, освоенцев, подготовителей. Вот что значит комплексный подход! Если раньше спускали насосно-компрессорные трубы шестнадцать часов, то теперь наполовину быстрее. Заранее отвернем кольца, ослабим гайки, более тщательно подготовим инструменты, прочистим, смажем резьбу — результаты и сказываются. Кое-кто в первом управлении — старожилы на Самотлоре — иронизировал над нами после Урая, что, мол, «колодцы» только — мелкие скважины — бурить умеем.— Петров побарабанил пальцами по столу и посмотрел на привидение-вышку в сетке дождя. Во взгляде мастера прозначилась суровость.— Весной, в навигацию, завезли нам станки, и уже через полгода обошел Левина. Это в начальный, организаци-

онный период, когда еще привыкали к Самотлору. Сразу началось соревнование. Не будь его, не было бы и нынешних скоростных проходок, поиска новых форм. Но в зачете пока что голые метры. Бригадный подряд и внесет поправку, ведь в роли генподрядчика бригада ответственна и за качество, за все операции на кусту.

Кузьмич достает сводку.

— У первого управления метраж больше, зато мы скважины сами осваиваем, одно на другое — уравнивается... Шакшин пробурил пятнадцать скважин и пятнадцать освоил. Петров — семнадцать, и все освоил. Ягафаров из четырнадцати освоил двенадцать... Левин из тридцати двух — только десять, но об этом в сводке ни слова. С учетом освоения коэффициент произведенных работ у четырехвахтовых бригад даже выше, чем у многовахтовых первого управления.

Подобно Левину, Кузьмич уверен в правоте и, подобно Геннадию Михайловичу, видел разрешение спора в соревновании, а не в мелочной, ревнительной междуусобице. Сказал:

— В работе с Левиным мы — соперники, в жизни — друзья. Большое в общественном требует того же в личном. Собираемся вместе проехать по нефтяным месторождениям старушки Европы...

Вспомнились митинги, речи-заверения... Нет, не подвели, Леонид Ильич, сибиряки-нефтяники, крепко держат слово. Удадь и сила в них былинных богатырей, неистребимый азарт. Поистине неутомимые.

...Мне все интересно в Кузьмиче. Как проводит отпуска, сколько зарабатывает, выпивает ли, какие любит книги и с кем дружит, сама биография занимает. И он все как есть, без утайки, выкладывает.

— После семилетки закончил ремесленное училище и попал в бригаду пионера «Второго Баку», как тогда именовали Башкирию, Елисея Пругло. Позднее за-

менил его, ушедшего на другую работу. Вместе с бригадой и в Шаим пожаловал. Там ничего еще не было, рубили себе дома-временки. Министра угощали тушенкой и крепким чаем в бревенчатой таежной избушке с наспех сколоченными скамьями. Словом, жили в самых спартанских условиях.

Едва обжились на Тетеревской площадке, перебра-
сили бригаду на Усть-Тетеревскую, потом на самую дальнюю — Убинскую. Одной из первых и на Саянск попала. Не без настояний Кузьмича. Прихватил тогда ключи, элеваторы-«мелочовку» и айда в Нижневартовск. Опять обживание на новом месте, спартанские условия. Работой одной и жил, зато показал, какие «колодцы» может дырять.

При упоминании об этом в глазах у Кузьмича проблескивает неистребимо озорное, шалое, в притушенных интонациях голоса и всей фигуре появляется властное, природно-одержимое. Кузьмич меняется на глазах: от строгого, упрямого до озорноватого, с усмешечкой или предельно простодушного, сентиментального даже. Все в нем есть, разнообразные оттенки чувств, проявлений — в прищуре глаз и полуулыбке губ, в жестах, голосе.

Однажды с Гумаром они разыграли пол-управления. «А что, Яруллович,— как бы между прочим обронил Кузьмич,— не думаешь загнать «Волгу», деньжата — они не лишние?» Никакой «Волги» у Гиндуллина нет, но он принимает шутку: «Пожалуй, продам, если найдутся желающие». И загуляло по буровым: «Гиндуллин «Волгу» продает», и уже цену назначают, торгуются.

Зарабатывает Кузьмич хорошо, но накоплений не имеет — много тратит на отпуска. Прошлым летом исколесил пятнадцать тысяч километров. Посетил пушкинские и некрасовские места, Хатынь, Саласпилс, на родине Юрия Гагарина побывал. Считаю, полстраны охватил.

— Думают, Петров — бурмастер, Герой Труда, так в роскоши купается, — пускает полуулыбку. — А у меня до сих пор гарнитура порядочного не завелось, довольствуемся тем, что в местном мебельном попадаетея. Некогда за гарнитурами гоняться.

Кузьмич тянется за сигаретой, но пачка пуста, и он распечатывает новую, снова дымит «Столичными». Появляется знакомый симпатичный бурильщик — подобно Гумару, теперь в мокрой, заляпанной раствором брезентовке с капюшоном, в такой экипировке кажется еще экзотичней, привлекательней. Тактично, однако с напором напоминает о стенгазетной передовице.

73

— Пишу, уже пишу, — Кузьмич покорно склоняется над листом бумаги, сосредоточенно-задумчивый. — День нефтяника в 65-м учрежден! — вдруг спрашивает. — Точно, в 65-м, мне тогда именные часы преподнесли. Значит, нынешний праздник юбилейный.

Снова тянется за сигаретой и снова соображает над листом бумаги: старательный, притихший, как школьник.

— Дома сочинишь, — советую я. — Что за аврал!

— Не сочинишь, — обреченно вздыхает Кузьмич. — Центральное телевидение фильм обо мне снимает. На буровой и в управлении увековечили, еще по дороге на Самотлор хотят, непременно на белой «Волге». Телевизионщикам в Москве сказали: «Пока не сделаете фильм, не возвращайтесь». Они и так крутят, и этак повертывают. Чую, сегодня домой нагрянут. — Кузьмич серьезнеет. — Их труд тоже уважать надо.

Мелким убористым почерком заполняет страницу, медлит, размышляя, и снова без поправок пишет. — Готово! — радуется проснувшегося в дверь редактора-бурильщика. — Какие еще заметки собрал!

Сообща они просматривают материалы. Иные бракуют, иные хвалят. Кузьмич считается с мнением редак-

гора — ненавязчив, тактичен. Паренек обращается к нему уважительно, на «вы». И как иначе! Герой, орденоседец, первый партсекретарь Шаимской конторы бурения, такие крутосклоны осиливал, что иному на несколько жизней.

74

На буровой очень ритмичная, несуетная обстановка, отвечающая девизу: «Меньшими силами брать большее». Приятно ощущать такое. День пролетает незаметно, как один час, об этом говорю на прощание у девятиэтажки по улице Пионерской.

— Как есть, — отзывается Кузьмич и уходит — приземистый, неторопливый. Гляжу вслед и думаю: «Таки-ми людьми сильна жизнь, они ее строят и направляют. Они — образец для подражания».

ЖИВ ПОЧИН!

Петрова непросто застать на буровой. Читаешь его выступления в газетах, слышишь по радио, а самого Кузьмича, увы, не увидишь: то он в Москве на профсоюзном съезде, то в Саратовском нефтяном техникуме на экзаменационной сессии. Только вернулся с учебы — оставили на сессию областного Совета народных депутатов.

Измаялся в ожидании и, махнув рукой, отправился в бригаду. Попал в вахту Гумара, у него и узнал про хозрасчет — сейчас, спустя два года.

— Нет подряда, — буквально огорошил буровик. — Так получалось: мы осваивали скважины, а другие бригады в это время гнали метраж. Подряд должен быть для всех, чтоб смежники были зависимы, ответственные — на равных с буровиками. Только тогда может состояться хозрасчет по-злобински...

Куст километрах в тридцати от города у озера Колуэнтор, из которого насосик, вблизи похожий на старательного труженика-гнома, качает воду. Вода в озере темно-синяя, с огненными прослойками — отсветы зари упали. И так будет до утра. В эту пору почти не темнеет. С буровой видны всхопмления лесов и еще озера, озерца. Диковинная, величавая картина! Осознаешь вдруг в загустелой, ровной бесцветности дальность «большой» земли, самобытность всей обстановки.

75

Ох уж эти белые ночи на Самотлоре! Словно вода отстоялась, замерла. Думается, дышится по-юношески в прозрачной неподвижности, воспоминания навертываются, и невольно итожишь пройденное. Десять лет на Севере. До этого строил железную дорогу Тюмень — Сургут — Нижневартовск, и уже пять лет на Самотлоре. Есть о чем вспомнить, поразмыслить.

Я думаю о Кузьмиче.

В статье «Специализация или бригадный подряд!» он с жаром утверждал, что метод бригадного подряда наиболее выгоден экономически. При нем повышается ответственность мастера и вахт, качество операций. В договоре бригады с администрацией управления существенный пункт:

«Не допускать отступлений от единых правил технологии проводки скважин и освоения. Недостатки, допущенные бригадой, устраняются ею безвозмездно в пределах срока для строительства куста».

Но подтвердилось ли?

...Не поймешь — ночь ли, день ли. Все та же бесцветность да свежести прибывает. Гумар склонился у лебедки, как бы невзначай нажимает рычаг, бурильные трубы то замедляют, то ускоряют скольжение вглубь. Стрелка прибора показывает 1800 метров...

Бурение... Растворный шланг над головой Гумара напряженный, весь как живой. Вздрагивает. Сто пять-

десять атмосфер в нем. Вместе с таль-блоком, с квадрантом — четырехгранной ведущей штангой — ближе, ближе к полу. Вот уже вровень с ротором, и Гумар зажимает трубу клиньями, как чьими-то выступившими из ротора ладошками. Нарастивает две новых бурильных, и опять скользят они в разжавшихся клиньях-ладошках, опять Гумар склоняется у лебедки. Так много раз. И всякий раз помбур Ефимов запускает автоматический круговой ключ — свинчивает трубы.

Оба точны в действиях, оба чувствуют и это малозаметное скольжение, и долото на двухкилометровой глубине. Спокойны, деловиты, сосредоточенны. Гумар между делом разглагольствовал:

— Хозрасчет в бурении и освоение скважин со станка — в интересах бригады, так как при соблюдении пунктов договора нам идет дополнительная премия. Но срывы — из-за смежников и снабженцев. Поэтому для полного успеха нужны четкие условия подряда не только для буровиков — для всех, лишь тогда злобинский метод жизнеспособен.

← Того же мнения помбур Ефимов. Оказалось, он земляк Петрова, из одной с ним чувашской деревни Мессели Аургазинского района Башкирской АССР. Моложе Кузьмича, и по деревне тот его не помнит, зато хорошо знает по Ураю — с первых дней Шаима в бригаде.

Видел Ефимова — с засученными по локоть рукавами орудовал он на буровой, а по окончании скважины с тем же рвением чистил растворную емкость. Видел в деле его коллег-помбуров: Фаизова, Рахимова. Из участия каждого из них и складывается долговечная, независимо от соревнований и рекордов, слава бригады.

Но в соревнованиях и починах заметней наступательность... О подряде Кузьмич говорил в главке при награждении Главтюменьнефтегаза орденом Ленина, о

том, что лихорадят, сбивают с ритма смежники, борьбу за сокращение цикла строительства скважин куста следует вести сообща — дружно, без ведомственной разобщенности. Все — от дорожников до вышкарей и строителей — должны стремиться к конечной цели: сдаче куста промысловикам. Тогда подряд вполне оправдывает себя. Но Исянгулов не всемогущ, требует вмешательства свыше, потому и воспользовался торжественным собранием...

77

Кузьмич долго не покидал трибуны. Терпеливо, ненавязчиво толковывал, делал подтверждающие выводы.

— Вернувшись к четырехвахтовке, мы по-настоящему открыли зеленый свет бригадному подряду. К тому же засыпаются освоены, обязаны помочь им хотя бы сегодня. Сделать освоение со станка привычной необходимостью. Тогда можно будет мерить результаты конечным продуктом — нефтью. Заводу ведь безразлично, сколько перевезут груза его автомобили без капитального ремонта и в какие сроки. При подряде лучшим в соревновании окажется тот, кто раньше и качественней сдаст кусты... Допускаю вариант, — оговорился Кузьмич, — цех освоения — в роли субподрядчика. Это не отступление от хозрасчета, а дополнительное звено в его системе. У Злобина ведь тоже есть смежники: газовики, сантехники, сваебойщики. Аналогичное и в бурении.

Похоже, не убедил, отвечали уклончиво, вроде «поживем — увидим».

— Ничего, Кузьмич, — подбодрил Гумар, положив на плечо широченную ладонь. — Не сразу Москва построилась.

...Кузьмич выступил в газете, снова, как на торжественном в главке, заостряясь на промежуточных результатах, из-за которых упускают главное: результаты конечные. В итоге проходка за пятилетку выросла на

26 процентов, а время полного цикла строительства скважины осталось прежним. Выигранные часы и сутки теряют на освоении, обвязке, демонтаже и т. д.

«Изменив организацию труда,— информировал Кузьмич,— мы значительно сократили время, производительность поднялась до двухсот процентов, но смежники свели на нет отвоеванные сутки и недели, иначе бы промысловики без дополнительных затрат получили свыше миллиона тонн нефти.

78

Игра, как говорится, стоит свеч. На озерном кусту сдали скважины в срок и сэкономили при этом пятнадцать тысяч рублей. Вторая удачная попытка подряда дала 50 тысяч рублей экономии.

Но один-два куста погоды не делают. Наш малый опыт не выявил все достоинства хозрасчета. На мой взгляд, инициатором в этом деле должно стать нефтепромысловое управление — заказчик. Оно заключает с бригадой договор и снабжает нас трубами, арматурой, колонными головками, так как конечная наша цель — сдача управлению куста.

Взаимные обязательства заставят подтянуться все предприятия и организации-соучастники на скважинах, сделают подряд обязательным для каждого, а пока мы... одиночки. Нам нужны помощь и внимание».

Петров появился в добротном импортном костюме, шелковой цветастой сорочке [не то что два года назад — в белесом застиранном плаще и резиновых сапогах], волнистые волосы наитщательнейше ухожены. Он только что с сессии областного Совета.

— Специализация оправдала себя, — в тон Гумару без тени сомнения заявил. — Мне заместитель начальника главка Сафиуллин сказал: «Я на освоение любого мало-мальски способного поставлю, на бурение — нет.

Смотри, у Левина за полгода 35 тысяч, у тебя — 25. Догоняй».

— Но освоение еще не весь бригадный подряд,— возразил я.— И у Злобина есть субподрядчики. Ты сам же писал и твердил не раз, что успех решает сдача кустов. Что толку с незавершенных скважин! Да вот и на съезде профсоюзов...

Я процитировал из газеты «Труд»:

«Если бригада несет ответственность за весь цикл, она стремится сократить и время побочных операций. Нужно форсировать весь цикл. В этом направлении мы продолжаем поиск...»

— Твое — тебе же. Лишь трехмесячной давности,— прокомментировал.— Свеженькое.

Кузьмич долго молчал. Потом, как мне показалось, через силу выдавил:

— Не созрели еще условия. Лишь вмешательство главка и ученых поставит хозрасчет на должную основу. В масштабе одного управления это — самостоятельность.

Я обратился в главк к Сафиуллину с тем же. О хозрасчете.

— Намерены распространить опыт Петрова на всю Западную Сибирь, уже приказ подписан,— обрадовал заместитель начальника Главтюменьнефтегаза.— Свяжитесь с заведующим отдела НОТ Всесоюзного исследовательского института Коноваловым,— и назвал координаты.

И вот знакомлюсь с ним. То ли по натуре он такой, то ли слишком увлечен делом, шпарит без пауз, собеседнику невозможно что-либо вставить.

Коновалов подтвердил мои доводы. Да, специализация не исключает подряда, наоборот, предполагает. В бурении его уместней назвать «эстафетой» или «бригадным потоком» — применительно к специфике. Тре-

бывалось найти форму, которая бы учитывала весь комплекс, не одно только бурение. Для этого досконально изучили последовательность и взаимосвязь операций [Коновалов именовал их этапами]. В среднем весь цикл 245 дней, из них около половины занимают окна — разрывы между этапами.

Чтобы избежать потерь, обустройство куста передвинули наперед, совместив с бурением. При этом учитывали опыт Кузьмича. Отделу научной организации труда удалось свести хозрасчет в желаемую единую систему, выработать типовую документацию, вопреки разногласиям и стихийности Кузьмича (его временное Положение о подряде, организационно-технические карты). Один Петров в масштабе управления заведомо обречен был на поражение: смежники начисто 'съедали «припек» бригады во времени.

— Взаимодействие организаций-соучастниц,— спешил выложить Коновалов (едва бы за ним поспела и стенографистка),— учтено сетевыми графиками. Задействованные в производство, они дадут настолько колоссальный выигрыш в добыче, что существующие трубопроводы и перерабатывающие заводы не справятся. Цифры предстоит проверить, но цифры уже есть,— и Коновалов назвал их.

Действительно, цифры впечатляющие. Такое приращение!

— Опробовали эстафету на Самотлоре,— рапортовал начальник отдела,— и получили этот эффект. Новый начальник главка, узнав, возгорелся: «Не в конце года, сейчас, немедленно ввести сетевые графики. Лично займусь, проконтролирую!»

Разволнованный такой перспективой, теперь и я говорил часто, торопливо, как Коновалов. В Нижневартовске уведомил Кузьмича:

— Жиз почин!

ОПТИМАЛЬНЫЙ
ВАРИАНТ

Шумно, оживленно у Нюняйкиных. Братя отца, Егор и Анатолий, здесь, сестра Валентина — все с семьями, ребята из ЦНИПРа Нижневартовскнефти. ЦНИПР — это цех научно-исследовательских работ при нефтегазодобывающем управлении (НГДУ).

До армии Слава Нюняйкин оператором по исследованию скважин в ЦНИПРе работал. Оттуда провожали его на службу и там ждали возвращения, ребята частенько справлялись:

— Когда!.. Вянут хоккей и волейбол без Славы.

Они тотчас же явились — Анатолий Тридуб, Женя Дорофеев, демобилизованному о делах цнипровских взахлеб рассказывают:

— Интересно, есть удачные эксперименты по борьбе с солями. Приходи завтра, познакомим.

Дядя Егор завлекал на хлебозавод:

— Нефть — она, конечно, заглавное по нынешнему адресу, но и хлеб — для нефтяников. Без хлеба куда ж! Механика на заводе сплошь современная, а к механике лекари нужны, нигде без слесаря — на земле, на воде — не обойтись. Смекай, племяш.

Каждый считал свое дело первым. Младшему брату отца, Анатолию, взрывнику у геофизиков, ничего нет ближе передвижений, неисследованных недр, перфолент и перфокарт.

— У нас, Славик, профессия громкая, громче вашей цнипровской и хлебозаводской, — авторитетно за-

явил Анатолий.— Удар-взрыв, достигнув кристаллических оснований, спешит обратно. Отражается. Тут его чуткий осциллограф — цап-царап, рисуночек на перфоленте показывает залегание пород и возможности нефтяные. Не кто-нибудь, а геофизики-сейсмики Самотлор рассекретили, без нас догадайся-ка... Разведка мы, глаза и уши промысловиков.

Сестра отца Валентина — слесарь по ремонту короткого кабеля, у нее свое.

83

Отец, Николай Федорович Нюняйкин, мог бы собственным операторским знанием блеснуть, как-никак тридцать лет на этом поприще, Мегион и Самотлор покорила — живая история этих месторождений, но сказал о другом:

— Куда сердце поманит, туда ступай. На Самотлоре любое дело громкое.

— Я в цех к ребятам, — кивнул Слава на Тридуба с Женей Дорофеевым, присевших к накрытому столу. — На скважинах каждый день с неожиданным встречаешься, чего даже теория не предусматривает. Не зря же цех научный и исследовательский, а уж потом производственный. Скважина чувствительна, переменчива на всякий зигзаг, уж мы-то знаем. Я заочно институт окончу, одной практики мало для четких решений. Широкие знания нынче требуются.

— Верно стремишься, — похвалил отец. — А пока отдыхай, обвыкайся.

— Вроде бы не отвык.

— И все же отдохни, акклиматизируйся, — настаивал взволнованный встречей и оттого порывистей обычного, поспешней отец. — В цех успеешь.

— Твое место всегда за тобой, с ходу берем, — загомонили парни.

Потом интересовались службой, как там на дальневосточной границе: спокойно ли, каковы командиры?

Николэю Федоровичу вспомнилась полковая шко-

ла и он, бравый молоденький курсант. Ни сыновей, ни жены Анны тогда еще не было. После демобилизации вот так же выбирал специальность — держал совет с батей. Судили-рядили в деревенской хате. Отец поглаживал, покручивал усы заскорузлыми пальцами, покашливал, должно быть, тоже волновался, как сейчас Николай Федорович.

84 — Мать, а мать,— не удержался родитель,— ты посмотри, каков молодец. И ростом, и статью. Неспроста Анна засматривается. Но сперва, Коля, на ноги встань, а уж свадьбу мы сумеем не хуже кого.

Прогулялся Николай деревней, вышел за околицу и низким, с мочажинками берегом — к нефтепромыслу, а вернувшись, заявил:

— Оператором, батя, оформляюсь.

— Так с маху!! Что ж, нефтяное дело — почетное. Из земли и хлеб берется, одна у них с нефтью основа.

А спустя месяц привел Николай в дом смущенную, краснеющую Анну.

— Судьба, батя.

Всплакнула, будто пригорюнилась, в кути мать, разгладил усы отец.

— Благословляю на долгую дружную жизнь.

Засуетились, затоптали по хате с матерью, выставляя угощение. Уже прознавшие о событии Егор, Анатолий и Валентина собрались, соседи, друзья... Веселая зашумела свадьба. Пели песни, по старому обычаю «сорили» — кидали деньги в разбросанное по полу сено. Все было... Радость появления детей и беспокойные ночи с ними, всяческие ЧП. Шаловливые оказались малыши, как, впрочем, всякие малыши. Он, с работы придя, взметнет на руки, бывало, сыновей: «Где были и что делали!» Юра со Славиком ничего не утаивали. Бодрили этим: честными людьми растут. Все бы насмарку, если бы дети не удались. Уже тогда внушал:

— Вы продолжение рода. Держите марку.

Род ушибился, обновилось и дело. Прежде операторов, слесарей, каротажников, геофизиков-взрывников среди Нюняйкиных не водилось. И кто в Нуштайкино предполагал, что под ногами она, нефть,— там, где ходят, ездят, жнут и молотят. И уж совсем не помышляли о каких-либо перемещениях из Поволжья, эвон куда махнули.

Размягченно Николай Федорович произнес:

— Нас испокон века за старание ценили, на плохом счету Нюняйкины не были, и ты, Слава, поактивней: масштабы, ого, какие!

85

То ли от выпитого вина, то ли от всеобщего внимания Вячеслав слегка зарумянился, дрогнула темная полоска усов.

— Понимаю... Только ведь не новичок на Самотлоре. Задачи и требования из ваших же писем известны, Юрка по три листа каждый раз катал, едва умещались в конверте.

— Специфика,— усмехнулся Юрка.— Пока гоняешь бойлер на скважины, всякого насмотришься, охота отразить. Вообще я люблю длинные письма.

— На службе каждая весточка дорога,— отозвался «именинник».— Сюда летел как на крыльях. А когда из аэропорта ехал в город, совсем невольно стало.

— Я в окно тебя заметил,— вставил Николай Федорович.— Мать, говорю, смотри, кто там. Слава, говорит! Чего же ты стоишь, старый, беги встречай. А я, верите, передохнуть не могу, к балконному косяку прирос...

Старший Нюняйкин, Егор, вдруг встрепнулся, ладонью хлопнул себя по колену.

— И-эх! Неужто насовсем обосновались!

— А чего, Егорша,— Николай Федорович показал на внучонка.— Дел Сережке с лихвой.

— Это так,— согласно кивнул Егор.— Жизнь не заказывают, она себя предлагает. Всех до единого увлекла, сманила к черту на кулички.

— Пожалуй, заказывают,— Николай Федорович посмотрел на окно, за которым кружил медленный пушистый снег.— Нефть здесь с кого начиналась? С людей! Выходит, Егорша, мы ее сами определяем, жиизнишку-то. Вот ведь как!

Их дед пахал землю, и отец был хлеборобом, потому как не знала другого ремесла деревня Нуштайкино. Досталось бы и Николаю с братьями зоревать в поле, рыхлить и засеивать пашню, по-своему, по-крестьянски любить леса и речку с заливными лугами, раскаленное солнце полудня, да повернулось колесо судьбы.

Еще мальчишкой, то ли в 35-м, то ли в 36-м году, добираясь к отцу на стан, беспечно, вприпрыжку, с узелком снеди пересекал Коля поспевающее поле пшеницы, как вдруг увидел высокое деревянное сооружение. Показалась предшественница нынешних мощных буровых, величаво возвышалась она над равниной. Робко приблизился мальчик к вышке и спросил чумазого, в каске, похожей на солдатскую, парня:

— Вы зачем, дяденька, хлеб мнете?

— Это...— парень весело махнул гаечным ключом,— нужней сейчас. Нефть ищем, по всем данным тут заховалась.

— Не-е-фть,— протянул Коля.— Шутите?

— Вот и не шучу. Я, брат, буровик. Я — основательный.

Из книг Коля знал, что добывают нефть с давних пор у Каспийского моря в Азербайджане, но чтобы горячая водичка оказалась возле их сухопутной деревни, такое невероятно. Разыгрывает, поди, чумазый с ключом, а парень уверенно:

— Продырявим, прощупаем хорошенько матушку землю. Мы ведь не то что плугом — на сантиметры, мы, братец, долотом — на сотни метров проглубим.

Потом был фонтан, подтвердивший пророчества чумазого в каске. Коле все было любопытно. Уже не к отцу на стан — сюда зачастил. И парень всякий раз встречал радушно.

— Зовут меня Николаем. Тезки мы. Значит, и дорожки у нас одинаковые, — предрек однажды.

В 1943 году ему пришлось бросить школу и, оставшись за кормильца, четырнадцатилетним помогать матери на ферме, летом пахать землю, за которую где-то под Великими Луками воевал отец. Старался наравне со взрослыми, и задание ему определяли по-настоящему, без скидок на возраст. Домой он шагал степенно, веско, подобно отцу, чтоб видели и знали: не лыком шит. И только когда окликал почтальона: «Нет ли весточки от бати!», голос срывался по-мальчишески звонко.

87

После войны Коля выучился на электромонтажника, строил сажевый завод в Похвиснево — по тем временам объект внушительный, из камня и железа. А душу тревожили та деревянная штуковина посреди августовской пшеницы и горделиво-значительное: «Это... поважней хлеба сейчас. Нефть ищем...», поставившее нефть на самом деле вровень с самым привычным — хлебом. Одна у них мать — земля.

Заприметивший сноровистого, проворного паренька начальник стройки удивленно повертел в руках заявление.

— На что обиделся? Чем недоволен?

— Понимаете, — помялся Николай. — Не мое это, все равно уйду. Я так думаю, что к земле, к нефти.

— Мистика, — насупился начальник. — Я тебя бригадиром сделаю.

Очень ему не хотелось отпускать Нюняйкина.

Месторождение на берегу Кинели разбурили, и уже станки-качалки беспрестанно кивали шеями-«коро-мыслами»: вверх-вниз, вверх-вниз... Высасывали горю-

чую водичку. Его поволжская, от жарких суховеев потрескавшаяся земля отдавала теперь другой урожай. Тут и нашел он главную тропку.

На промысле пригодилось Николаю умение трудиться. Труд вошел в него сызмала примером отца, деда, соседей-односельчан — всех, кого видел повседневно. Труд уже тогда стал для него тем, без чего невозможно человеку и что требует постоянства и усердия, как, скажем, в страдную или посевную пору от крестьянина.

Через четыре месяца Николай уже с пятым разрядом. Даже по нынешним временам это оператор высокой квалификации. Замечен руководством и на крупном, Мухановском, промысле близ городка Отрадного, куда перебрался. Трудности начала — всем поровну, без скидок. С женой и двумя малышами ютились на частной квартире — у Степана Русскина. У него самого семья — четыре человека, все в одной барачной комнатенке. Городок строился медленно: ни жилья, ни детских садов. Переселились в кухню. Ютились в ней, там же еще десять семей обеда-ужины себе готовили.

На судьбу не сетовал: сам выбрал такую. Свой человек Нюняйкин, работы никакой не чурается, душа добрейшая, отзывчивая. Сам недоспит, недоест, а тебе поможет, выручит.

Однажды к нему на кухню заглянул мастер Володя Кремнев, недавний выпускник Куйбышевского индустриального института, удивился:

— Как так можно? Не тридцатые годы!

— Зато послевоенные, — Николай Федорович не принял сочувствия. — Перебьемся.

— Нет, так не пойдет. Ты же у нас старший оператор, передовик. — Володя отправился к начальнику промысла, тоже молодому, выпускнику нефтяного техникума, Роману Кузоваткину:

— Войди в положение.

И добился-таки двух благоустроенных комнат. Казалось бы, чего еще — от добра добра не ищут: дети подросли, мебелью обзавелись. Но, узнав про тюменскую нефть и про то, что Кузоваткин принимает управление в Нижневартовске, попросил прислать вызов.

Кузоваткин слово свое сдержал. А Николай Федорович — свое. Нисколько не пугаясь повторений пройденного — бытовых и прочих неудобств, отправился в Сибирь.

89

В Тюмени спрашивает про Нижневартовск, как туда добраться. Не знают, не слышали. Он — в главк. На счастье, встретил главного инженера Арнапольского. Показал вызов. Арнапольский отправил его спецрейсом на «Аннушке», другие самолеты не приземлялись. Вышел из самолета — грязища, вода кругом. Болото к самой взлетной полосе подступило. Автобусов, понятно, ни-ни. «Ну, так тому и быть», — Николай Федорович как был налегке, с чемоданчиком, зашагал пешком. «Куда путь держишь! — водитель с прилипшей к губе «Примой» распахнул дверку кабины. — Садись, марафонец». Юзя, увязая в колдобинах, вездеход кое-как дополз до деревянных брусчатых домишек. Управление помещалось на первом этаже одного из таких, одноликих, как близнецы. Второй этаж занимали служащие управления. «Как в Отрадном, — усмехнулся Николай Федорович. — Знакомая картина». И тут услышал: «С прибытием!» Андрей Милик, с их Мухановского промысла оператор, уже работает. И его торопит завпромыслом Рынковой. «Что за пожар! Дайте хоть спецовку получить», — удивился Нюняйкин. «Спецовку самолично принесу, — заведующий промыслом все так же настойчиво. — Это мигом. А спешка вынужденная, каждый человек у меня на счету».

В тот день Николай Федорович заселился в общежитие к Милику, назавтра — он уж на промысле за сорок километров от городка. В апреле это было, в самый де-

доход. Перед сумерками на Сухом Багресе, словно нарочно для боевого крещения — ни раньше, ни позже — льдиной сбило дюкер. Пригодились прежние монтажные навыки, ночь напролет резал, варил Николай Федорович трубу, спины не разгибал. Утром появился на «газике» заведующий промыслом, похвалил:

— Молодец, волгарь, с корабля да на бал!.. С завтрашнего дня бригаду тебе — зачищай незавершенку.

Стал на время Николай Федорович универсалом: он и слесарь, и сварщик, и газорезчик — навел порядок. Месяца через полтора перевели старшим оператором на групповую установку № 4, нагрузок добавилось: то воскресник, то субботник, то просто аврал без названия.

Опять заведующий промыслом к ним в общежитие и дипломатично, со значением:

— Ну как, старички, живы-здоровы! Поднажать бы...

И поднажимали. На давних любительских снимках вот они: утепляют стекловатой трубы, монтируют аппараты, на вахте операторской... Чего только не выпадало! Место низкое, в половодье или просто от дождей сплошные разливы на Мегионском месторождении. Окунались с головой, ныряли, если требовалось закрыть под водой задвижки. Время было такое боевое. Не о себе, в первую очередь о деле пеклись.

Как-то, устраняя порыв, перевернули лодку и вместе с заведующим промыслом очутился в ледяной купели. Выплыли. Но Милик простудился и уехал обратно. Николай Федорович все так же неутомимо: то вертолетом, то амфибией, если летом, а зимой — на «Уралах» добирался на месторождение. Его вдохновлял решительный и дотошный Рынковой, двадцатисемилетним, четыре года назад, расставшийся с благоустроенным Нефтекамском (убедил: «Не на юг же еду»). Весь штат нефтегазодобывающей Мегионнефти представлял тогда

Исполняющий обязанности начальника, он же главный инженер, нервный, порывистый, со жгуче-темными глазами Георгий Самуилович Арнапольский.

Следом появился тиховатый Виктор Иванов, до этого пробовавший себя в науке. Все разные, они в некризисных ситуациях бездорожья, безлюдья, оторванности от «большой» земли действовали решительно и быстро. Времени для раздумий не оставалось, и полагаться не на кого.

Сблизился Нюняйкин с командирами, видя в них свою промелькнувшую молодость, учил их и сам учился. Сплотка взаимная. Ничто так не роднит, как дальность от родных мест и общая заинтересованность, сама обстановка сближала, заставляла искать.

Нефть в Омск доставляли баржами. Много ли таким способом переправишь за тысячу верст!

Решили смонтировать «на плаву» насосы и подключить немедленно, тотчас к Нефтеюганскому товарному парку, от которого магистральная артерия. Опять на задание — Нюняйкин и Арнапольский с Рынковым. Засучив рукава брались за молоток, по два-три раза в день наведывались. К парку подсоединились до срока — меньше чем за неделю. Выпутались из затруднения.

Николай Федорович понимал, что держит экзамен на свой партийный билет, полученный год назад в Отрадном, на всю предыдущую и будущую жизнь. Сказал Рынковому:

— Пора тревожить семью.

— Вези. Квартиру дам, — заведующий промыслом тоже лаконичен. — Хоть сегодня лети.

И он полетел.

Первая их вартовская квартира мало чем отличалась от барачной отраденской кухоньки — тесная, без удобств. Зато лес подступал к окнам. Тайга, какой в

Поволжье не сыщешь. Кедры густились, пошумливали кронами, меж ними желть березок и киноварь осин. Северная осень ранняя.

Ребята уже развели то, о чем неведомо было отцу. Запыхавшиеся, прибежали Юра со Славиком:

— Папка, грибы!

Верно, сморчки.

92 — Белку видели,— сообщили сыновья.— Орехами лакомилась на ветке. Мы полезли, она швыр — и в дупло. Пап, айда,— тянули ребята.

Впервые ступил он в лес отдыхающим, глянул вокруг и удивился. Кедровый один к одному как по заказу, на мшаге крупнющая черно-пунцовая брусника, не видывал такой. Грибы хоть и жидкие, худосочные — встречались. Зато кедровых шишек — изобилие.

Золотинка на березах, серебристая там-сям паутина напомнили Николаю Федоровичу бабье лето родной стороны.

— Анна,— тихо позвал жену,— благодать-то какая!

— Да уж чего, завез — дальше некуда,— отшутилась Анна Михайловна.— Одни медведи, небось, и водятся.

— Водились,— поправил строго.— Теперь кончились мишкины беззаботные гулянья. Мы — хозяйева.

А где-то совсем рядом тракторы, бульдозеры, самосвалы сливали разномастные голоса в единый победный гул — теснили тайгу.

Домой они вернулись лишь к вечеру, тихие, освеженные. Еще дороже стал Николаю Федоровичу этот незнакомый край. «Все тут нашенское,— рассудил,— но неприятности ждуг, чую».

Зимой, в трескучие холода, размерзлись батареи — весь городок остался без тепла. Вода из батарей схватилась на полу толстой ледяной коркой, хоть на коньках кататься. Он с детьми переселился на промысел в кабинет Рыковского. Пока устраняли аварию, спали на

столах, в одежде. Сновагодились Николаю Федоровичу монтажные навыки, снова он на передовой. С бригадой аварийщиков занимался сантехникой и еще успевал на промысле бывать. Арнапольский с Рынковым в те дни тоже раньше двух ночи не ложились. Всем крепко доставалось.

Так обжился Север. Нюняйкины одни из многих, причастных к его индустриальным этапам. Братья Егор и Анатолий, сестра Валентина мало-помалу утянулись к Николаю Федоровичу и первое время квартировали у него. Совсем тесно стало, раскладушка на раскладушке.

— В тесноте — не в обиде, — рассудил. — Зато вместе.

Анна трудилась вместе с ним на групповой № 4. Не ахти какое сооружение, но все же глаз да глаз нужен. Нефть в товарный парк перегоняли под большим давлением. Когда скапливалась в резервуарах сверх меры, всякое могло стрястись.

Быстро летит время! Где недавно собирали грибы и ягоды, шеренгой пяти- и девятиэтажки, школа, которую успешно заканчивали сыновья. Особенно радовал Слава. Спортсмен, отличник. В каникулы брал обоих на установку, сам о том не догадываясь, воспитывал трудом, как когда-то воспитывали его самого. Казалось просто: под присмотром ребята, не разбалуются. Вместе отправлялись на скважины. Снег такой искристый, блестящий, глазу больно. Богатый снег. Сосны в куржаке, мохнатые, нарядные. И на удивление много воронов. Совсем обвыклись долгожители, близко подпускали. Низко проносясь, кру-кру кричали, с шумом рассекали воздух.

— Когда-то, может 300 или 350 миллионов лет назад, Урал представлял огромную горную страну, — пояснял Николай Федорович. — Обломки вынесенных реками и ручьями горных пород захоронили массу фито-

планктона, создав резервуар углеводородов. О нем ученый Губкин сказал еще в тридцатые годы, но тогда методы разведки не позволяли проверить. К тому же помешала война...

— А сейчас какая разведка главная! — любопытствовали ребята. — Геофизика-сейсмика дяди Толи!

94 — Пожалуй. Как рентгеном, недра прошивает. Кабаевцы — партия Леонида Кабаева — к самому Мертвому озеру подобрались. Только не мертвое оно. Рыбаки на нем круглый год. Какое же мертвое, если рыбаки и рыбалка! Но болота действительно бездонные. Когда-то на их месте плескалось море. Потом откатилось, и в теплом тропическом климате зашумели вечнозеленые леса. Сквозь чащи проламывались, топотали слоны, мамонты, носороги. Водились и пещерные львы, динозавры... Но надвинувшийся ледник подмял все...

— Вот это да! — изумлялись ребята. — Пап, откуда знаешь!

— Зачем умные люди книги сочиняют!

Когда приспело Юрию со Славой выбирать профессию, дядя Егор пригласил на хлебозавод, тетя Валя к каротажникам, а дядя Толя в геофизику-сейсмику. У него козырь веский.

— Самоглот-то с первого замаха рассекретили, ударили — и есть. Вот ведь как! Ну, постарались взрывные шашечки одна к одной заглубить. Хлоп, хлоп... Глазам своим не верим: невероятную кривую пишет осциллограф. Дело ясное — попал на залежь. Но ее подтвердить еще надо. Бурмастер Григорий Норкин выщечку настроил, приладился и проткнул чрево болотное. Чернущая к-а-ак рванет, небу жарко! Сомнений, дело ясное, уже никаких. Начальнику партии Леониду Кабаеву Ленинскую премию дали. Самоглот того стоит. Как выявят весь, оконтурят, отменный будет погребок.

Слушать Анатолия можно часами, он увлечен своим делом.

Но племянники предпочли профессии нефтепромысловые, ближе к отцовской. Юрий стал слесарем контрольно-измерительных приборов и автоматики, какие на месторождении. Слава — оператором по исследованию скважин. Потом, как водится, — армия. Юрий первым отслужил и, демобилизовавшись, выучился на шофера. Развозит теперь нефть и раствор для задавки скважин при ремонтах. Тяжелый это агрегат — бойлер, неуклюжий, поворочай-ка, но Юрий доволен.

— Весь Самотлор на виду.

95

Тюменский уроженец, я знаю, что еще недавно Север спал. Изредка радио извещало о рыбаках, охотниках, звероведах, иногда наезжали оттуда командированные, уезжали туда по вербовке, чтоб после договора распрощаться. С открытием нефти и газа учинилось великое паломничество в неизведанность тайги и тундры.

Сын тянулся за отцом или, наоборот, отец — за сыном, брат — за сестрой — складывались родословные покорителей Севера. А это значило, что надолго, непостоянно обосновывались. И, значит, отношение к Северу у них иное, хозяйское. Приобье становилось большой, близкой землей. Радовало: вот ведь какая активная приращивается территория! Завязывались индустриальные узлы — Урай, Нефтеюганск, Сургут, Надым, Уренгой, Нижневартовск, железные и автотранспортные пути, аэро- и речные порты, нефте- и газодожимные станции, поселки расчертили, испятнали однообразно зеленую карту области.

Страна приобрела новый промышленно-энергетический комплекс, в формировании которого роль семейств, подобных Нюняйкиным, была, есть и останется заметной. Рабочим династиям Тюменского Севера развиваться и крепнуть.

По-настоящему Самотлор начался в зиму 1968/69 года.

96

Еще не определены запасы месторождения, никаких обустройств, никаких дорог на болотах, а уже рвутся туда. Жаждали этого и начальник главка, и министр. Приехали убедиться в своих предположениях и тут же дали «добро». По такому случаю в Мегионнефти создали партбюро. Начальник управления Кузоваткин, главный инженер Арнапольский, Рынковой нацелили: «Скорей!.. Ждут!.. Ответственно!..» Их с жаром поддерживал Нюняйкин:

— Я так думаю, что справимся. Опыт Мегиона — порука тому.

О трудностях как-то не думалось, они само собою разумелись, в привычку. Зато ведь перспективы какие!

Заведующим промыслом тут же утвердили Рынкового, а начальником участка Виктора Иванова. Право отбора операторов за Рынковым, и он первым назвал Нюняйкина.

До этого Николай Федорович видел самотлорские пространства только с вертолета, на глазок, что называется. Ощущение такое: ступи — и оставишь сапоги в трясине. Чего доброго, вовсе не выберешься. Но сейчас была зима. Они притащили балок на место будущей дожимной насосной станции (ДНС), возле скважины-первооткрывательницы, и всю долгую зиму переправляли сюда оборудование, строили станцию, подключали скважины. Домой уезжали, лишь выполнив задание, редко раньше семи-восьми вечера возвращались. Задача стояла — дать весной нефть.

Помнит Николай Федорович субботник, когда с шести утра до шести вечера следующего дня затаскивали на гривку, где выше, насосы, чтоб не утонули в болоте. Двигали многотонные махины вручную с помощью домкратов и полиспастов, забыв о времени и сне. Анна Михайловна вызвала по рации:

8, 9

8. Очередной нефтяной фонтан
Самотлора

17, 18

1. Привычный пейзаж Само-
тлора

1

2. Дорога на ГПЗ-3 (газо-
перерабатывающий завод)

3. Нижневартовские дальние
маршруты

4. Встреча в пути

4

5. Первая железнодорожная станция в Нижневартовском районе — Мегионская

6. И. П. Паньков — оператор управления Нижневартовск-нефть имени В. И. Ленина

7. Нижневартовск. К буровым пришло электричество

7

9. Буровые мастера (слева направо) А. Г. Тимченко — из Сургутской вышкомонтажной конторы, А. Д. Шакшин — из Нижневартовского УБР-2, С. Н. Урусов — первооткрыватель тюменской нефти

10. Бурильщик В. Ф. Сазонов из бригады В. Т. Громова.

10

11. Нижневартовский товарный парк

12. Буровики чествуют мастера Г. М. Левина по случаю очередной победы

13. Буровой мастер
Г. М. Левин

13

14. Буровой мастер Г. К. Петров

15. Буровой мастер В. Т. Громов

16. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР Н. П. Нежданов дает задание смене

16

17. Нижневартовский газоперерабатывающий завод

18. Оператор газоперерабатывающего завода Альбина Бондарь (справа)

19. Нижневартовская насосная станция

19

20. Нижневартовск. У детсада-
яслей № 21

21. Студенческий городок в
Нижневартовске

22. После трудовой вахты

23. Почта прибыла! Нижне-
вартовский район

24. На обских просторах

— У тебя курево-то хоть есть! О еде уж не спрашиваю.

— У нас все есть,— Николай Федорович отвечает бодро, а сам голоден, сосет в желудке.

В тот раз хорошо раскрылся «тиховатый» Виктор Иванов. Нашлись на субботнике такие, что порывались домой до срока, пришлось начальнику участка объяснять, убеждать. Его слушались потому, видимо, что сам безвыездно с ними. Старшим операторам внушал:

— С нас спрос одинаковый.

Умел расположить к себе.

С Николаем Федоровичем нередко выбирались на скважины, вспугивали сторожких глухарей и доверчивых куропаток. Случалось, плутали в тундровом однообразии. Однажды они по пути учинили соревнование — кто быстрее. К скважине пришли одновременно, локоть в локоть.

— Как разрядник бегаешь,— признал Виктор.

— И ты, научный сотрудник, заставил палками по-работать,— вернул комплимент снимавший лыжи Нюняйкин.— Вспомнят историки наши будни!

— Долго, Федорыч, до историков.

— Рукой подать. Здешнее время, сам знаешь, плотное.

Стояла загустелая, давящая тишина, даже птицы не пели. Они вдвоем на кусту, как в мире пустынности.

Но так или иначе, а с задачей справились.

По случаю первой самотлорской нефти был митинг, и добрые здравицы в адрес тружеников-операторов, награжденных орденами и медалями. Заслуженно. Каждый из них обслуживал до пятидесяти скважин — днем и ночью, в мороз и оттепели, никто не сбегал от неудобств, бешеных темпов, когда приходилось выворачиваться буквально наизнанку. И не просто выдерживали, успешно боролись за культуру производства, устраивали взаимопроверки. Можно было провести плат-

ком по поверхности технологических линий и не обнаружить пыли. Потечи нефти устранялись немедленно. Вот как следили!

Обрадовались самостоятельному управлению Нижневартовскнефть имени Ленина.

— Иначе как же! — комментировали с удовлетворением. — Семимильно шагаем, что ни год — прибавка. Не бывало еще, чтоб одно месторождение столько отваливало.

93

Прогрели в стране. Кузоваткин напрямую с министром разговаривал. Прославились и операторы — Саше Суздальцеву Героя Социалистического Труда присвоили.

После успешного финала на первой дожимной станции их передвинули монтировать ДНС-2, опять с колышка да нолика на месте хлипких моховых кочек. И сейчас трудно представить, как удалось среди топей поставить резервуары и эстакады.

Окажись гидом, поведал бы Николай Федорович о совершившей чудо главной гвардии — о товарищах-операторах Суздальцеве, Горелове, орденоносцах Пузарецком, Пирожкове, Панькове, о Кузоваткине, Рынковом, Викторе Иванове... О свежей, входящей и вошедшей, смене. О, эта молодежь! Косая сажень в плечах — украинский богатырь Иван Бойчук. С техникумовским дипломом, он не почурался перенять у Николая Федоровича операторские азы — охотно стажировался. А решительности и отваги Бойчуку не занимать.

Потребовалось как-то разрезать под давлением трубу. В ней газ нефтяной остался, и автогенщик заколебался: «Я не смогу». — «Трусишь?» Иван резак у него хват — и в два счета, со знанием дела раскромсал трубу.

В другой раз еще больше отличился хлопец. Нефть, выплеснувшись через задвижку, загорелась. Иван приказывает экскаваторщику глушить пламя сырым тор-

фом, иначе подберется к течи и — взрыв. «Ты чо, очумел! — мужичок Бойчуку. — Ты попробуй сам, воинственный». — «Могу!» — Бойчук отодвинул машиниста ручищей — и за рычаги, мокрый торф из ковша в огонь метр за метром. Кто успеет: стихия или человек? Минутой опередил Бойчук. Растерянный, бледный выдохнул в углу кабины экскаваторщик: «Ты, паря, того... чокнутый».

Иван задвижку потуже затягивает: «Не бойсь, дядя, двум смертям не бывать».

Все лучшее подобрал от батьки-селянина украинец Бойчук. Симпатизировал ему Нюняйкин. «Одного мы корня, хлеборобского, Ванюша», — говаривал.

Не миновали операторские университеты и научно-го сотрудника Виктора Иванова. «А помнишь, Федорыч, как гонял меня», — подковырнул уже будучи начальником участка. «Помню! А ты забыл, сколько нефти налил на обваловку? — Николай Федорович шутливо-обличительно. — Ты бы меня за такое помиловал!»

Собственно, пострадал Иванов из-за сменщика. Тот разлил, а не признался, не сообщил по вахте. Виктор и оказался крайним. «Распекал так, аж слова свистели», — спустя годы, улыбался добродушный Иванов, но в тот момент не до улыбок было, крепко взыскивал Нюняйкин.

Приятель Ивана, по-мальчишески щуплый и на редкость проворный Петенька Плотников, алтайский, но в Нижневартовск попал с Дальнего Востока, на зов «страны Мегииони» (фоторепортаж в «Смене» так назывался), тоже с основы основ — на дожимной станции проявлялся. Они и жили с Бойчуком в одном общежитии, одновременно женились. Оба заочно окончили институт и ныне — руководители инженерно-технологических служб.

Петр принял от буровиков свыше семисот скважин, по каждой спорил, добивался качества. За это прослыл

неуживчивым, строптивым, но Николай Федорович всегда поддерживал:

— Правильно действуешь. Молодец! Нам с браками расхлебываться, не буровикам.

Был ученик из местных — ханты Сигильетов. Были и другие ученики. Теперь по всему Самотлору кто где: по дожимным станциям и сборным пунктам, на скважинах.

100

О себе! Чрезвычайного ничего не совершил, жил, трудился, как учили рекомендовавшие в партию коммунисты-наставники Дмитрий Филаретов и Александра Шелокова. По тихим углам не прятался. Сил и здоровья для других не жалел. Очень хотел сыновей настоящими людьми увидеть, любил жену, уважал товарищей.

И вот пришло долгожданное — город построен, месторождения действуют. Дети на переменчивых обских ветрах возмужали, Юрий уже сам отец... Дороги каждая улица и проулок, микрорайон, но Самотлор — особенно.

Все такой же и уже не таков: как всякое живое, стареет, требуя внимания, помощи. И, как у всякого живого, есть у месторождения период молодости, когда нефть без понуждений, самодавлением идет. Позреление — подступает закачанная в пласт вода. Скважины начинают угасать, глохнуть, дебиты свертываются. Извлекать «урожай» становится обременительней.

Как-то приезжал заместитель министра Владимир Иванович Кремнев, в прошлом деятельный молодой мастер с Мухановского промысла, некогда с Кузоваткиным выхлопотавший для него квартиру. Придирчиво, досконально разбирался с фондом скважин, со всеми производственными и непроизводственными возможностями. Важный поставщик «черного золота» Самотлор на пик добычи выходит.

Вручил Кремнев их управлению переходящее знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК

комсомола. Приняв шитый золотом стяг, Кузоваткин краткую тираду повернул неожиданным образом:

— Обязательства выполняем, но и у самого глубокого колодца есть дно. Чтоб Самотлор преждевременно не утратил себя, не истощился, нужны механизированные способы добычи. Самые совершенные. Разработка Самотлора — сложная, многосторонняя проблема. Над ней ломают головы ученые, инженеры, администраторы. Меньшими силами взять большее — вот задача! Допустим, добыли много нефти, но при колоссальных затратах: на технику, топливо, людей. Не годится. Где-то сетку скважин надо бурить пореже. Если пласт заглинизирован — чаще. Мы все еще в плену солей: портим оборудование, раскошеливаемся на внеочередные ремонты, а помощник наш — газлифт — пока что дело будущего.

101

После торжества Николай Федорович заглянул к Кузоваткину в кабинет. «Заходи», — кивнул хозяин. Кузоваткин крупный, угловатый. Отовсюду заметный. На совещаниях всегда по правую руку от главковских, отчитывается первым, знамена чаще получает, естественно, и в газетах его имя мелькает — человек со значением! Весьма занятой, не просто подступиться, однако решился Николай Федорович, полагаясь на старое знакомство.

— Так что интересует! — спросил Кузоваткин.

Неспроста, чтобы расположить, Николай Федорович ворохнул историю, для начальника управления часть личной биографии она, живое предшествование сегодняшнего...

— ...Принялись было строить «ледянки» — ледовые дороги, но скоро отказались от них. Отказались и от вертолетного варианта: дорого, неудобно. А если прорыть каналы и сообщаться по ним! Тоже не получилось: торф, вязнет техника. И взрывы без пользы.

Удался маневр: Кузоваткин отмяк, просветлел.

— Страсти разгорелись вокруг системы нефтесбора. Применить лучезую — от каждой скважины труба! Но слишком густая сеть коммуникаций. Нежелательно. Победил, если помнишь, групповой метод: целый куст скважин подключали.

— Доразведку месторождения вели, открыв промысловым бурением еще два продуктивных пласта и новую — Мыхпайскую площадь. Однако новые времена, новые закавыки, — не упустил цели визита Нюняйки.

Кузоваткин сразу нахмурился, помрачнел. Вася — боль и тревога.

— За последние месяцы несколько раз менялись планы и допзадания. Где-то сорвались, недодали и вот тянут спешно одеяло с ног на голову. Самостоятельность дать боятся, как будто мы здесь меньше заинтересованы. Графика разработки любого месторождения — купол, — и Роман Иванович нарисовал этот купол. — При чем падение всегда соответствует взлету, чем круче взлет, тем обрывистой падение, — сердито ткнул пером в склон купола. — Это очень важно, так как оптимальный вариант разработки Самотлора увязан с важнейшими народнохозяйственными планами. Сорвись Самотлор, и вместе с ним сорвется в стране очень многое. Поэтому, форсируя разработку недр, необходимо и помогать нефтедобытчикам всеми средствами и методами...

— Какими же! — придвинулся ближе Николай Федорович. — Очень интересуюсь.

— Средняя нефтеотдача пласта только 38 процентов, остальные 62 почивают в глубине. А есть резервы воздействия и на остальные. Циклическая закачка воды, например. Разлепляя одни скважины, частично или полностью прикрывая другие, что называется, встряхивать пласт, заставляя работать интенсивней. Циклику применяем пока лишь сезонно. Зимой перехватывает водоводы из-за регуляторов расхода, ни один завод их

не выпускает. Это серьезная проблема, так как прирост добычи за счет циклики достигнет миллиона тонн...

— Жаль! Как жаль! — привскочил Николай Федорович. — Знай бы только вправляй желанные потоки в артерии-трубы.

Кузоваткин словно кому-то в укор:

— Закачка газа высокого давления увеличит нефтедобычу на несколько процентов. А даже один процент равен целому месторождению. Но для закачки газа давлением в 350 атмосфер нужны мощные компрессоры. Таковых не имеем... Голыми руками повоюй-ка. Самотлор вступил в пору, когда успех решает техническая оснащенность...

103

Знал Николай Федорович об «отставаниях», но из уст Кузоваткина это задевало за живое.

Они вышли на улицу. Кузоваткин шагал решительно, широко, пристально смотрел перед собой. И Николаю Федоровичу становилось ясно — наворачстает свое Самотлор. Верит в это начальник, а вера многое значит.

В вахте он со студенткой-практиканткой, как одну оставишь! Выведет из строя установку. Все-таки, поручив присмотр начальнику смены Евгению Большагину, отправился на озерный куст, где соли закупорили насос. По пути встретил Рынкового. Иван Иванович — начальник головной инженерно-технологической службы, третье лицо в управлении. Недавно принял этот «узкий», как принято говорить, «хромающий» участок. Предстоит отладить. На то и головная диспетчерская, чтоб без изъяснов.

Николай Федорович приостановился.

— Как дела?

— Вникаю... Во всем должны быть система, распла-нированность, иначе запаримся. Цеха растут, как грибы, и мы должны их координировать. Не можем, не имеем

права «крутиться» в такой обстановке. Своим долгом считаю раскрыть возможности подчиненных, приучить их к самостоятельности. А то ведь иной явится по пустяку и ждет одобрения. Разве это порядок! В своем деле подчиненный обязан знать больше своего руководителя и в его отсутствие править дело так же хорошо, как при нем.

— Нелишне и начальнику знать о себе мнение подчиненного,— заметил Николай Федорович.

— Согласен... Доходить до людей, до каждого человека, знать их и дорожить ими. Недавно оператор сам на себя сочинил докладную: мол, не справляюсь и прошу посему уволить. Приехал к нему на участок, посмотрел: действительно, запущено. Говорю: «Давай с тобой полдня повкалываю». И в самом деле взялся за лопату. Оператор застеснялся, пообещал навести порядок. О заявлении больше ни слова. У начальника смены супружеские разлады... Такие, Федорыч, пироги: и поп, и попадья, и повивальная бабка... В свое время приходилось воспитывать и Сашу Суздальцева — неорганизованный был парень, ершистый, но потом вошел в колею, остепенился. А минувший Первомай встречал наш Герой Труда на гостевых трибунах Красной площади. Высоко взлетел...

Рынковой любил людей и много говорил о них. Эту его струнку ценил Нюняйкин. Ценил твердость Рынкового, кое-кому претившую. Один алкаш-забудыга намеревался пальнуть из ружья, хватался за топор, когда разбил Рынковой бутылки с водкой, припасенные для коллективной, прямо на промысле, пьянки. Не дрогнул Иван Иванович, отбил ружье, но в душе укорил себя: «Что-то недосмотрел в нем».

Впрочем, было это давно. В пору Мегиона.

Кадры он подбирает и расставляет по способностям, а не механически. Иной природный организатор, сгусток инициативы — начальником цеха быть такому.

Другой — кабинетно-аналитического склада, Рынковой это учитывает.

Как правило, теория его оправдывается.

Особенно почитает Иван Иванович ветеранов, везде и всюду превозносит их, не теряя из виду:

— Для этих людей труд — потребность... Я, когда бываю не в духе, глядя на них, успокаиваюсь, мягчею... Всегда люблюсь ими...

Частенько сам на дожимную станцию к Николаю Федоровичу наведывается, звонит: «Ты, Федорыч, на вахте? Ну я спокоен».

— Новички, смена наша как? — поинтересовался в этот раз Нюняйкин.

— Мирон Дякив с Западной Украины уже «Лучший по профессии». Сегодня за вахту принял целую многоструйную речку экспортной нефти. Знаток в своем деле. Я им доволен. Курирует строительство технолог Корючин, а молодой заочник Куйбышевского индустриального института Седов занимается скважинами. Есть в ребятах что-то такое, отвечающее моим собственным критериям. Чутье подсказывает: подтянутся, будет толк. Сам когда-то шлифовался практикой, было б желание.

— И добрые советчики, — добавил Николай Федорович.

— И это тоже, — охотно поддакнул Рынковой. — Ты на озерный!..

— Туда... Опять ситуация... Бездействующий фонд перешагнул уже нормы, ничего путного не суля, — как выстрелил, побережил душу Нюняйкин.

— Сегодня партсобрание, вот и скажи.

— Не постесняюсь. Обводненным скважинам усиленный режим нужен, а их приходится консервировать.

Продавливая лежневку, рискуя завалиться в трясину, пробирается неуклюже-громоздкий «Урал». Озерный куст... Насос вот он, шестиметровый, зацементированный наглухо кристаллами, ни единого просвета вну-

три. Опустившись на корточки, Николай Федорович щупает затверделый осадок.

— Эх, были б реагенты! Химики, химики...

Поминает недобрым словом химическую промышленность.

106 На партсобрание припозднился. Перед ним выступал Рынковой. В наклоне головы, во всей фигуре Ивана Ивановича — убежденность и устремленность. Возможно, поэтому невысокий, подбористый начальник головной диспетчерской казался крупным.

— Я о чем, — хмурился Рынковой. — Не все понимают ответственность. Сегодня приезжаю на озерный куст, ни тебе паровой установки, ни компрессора. Кто-то из наших подписал ремонтникам путевки, и они ускакали среди бела дня. Узнаю кто — с треском выгоню.

— Щедрь обские недра, — Николай Федорович тоже повел лобовую атаку, — но к ним умело дойти надо. В Поволжье и Башкирии сейчас семьдесят процентов добычи идет за счет капитального и текущего ремонта, наступило такое время и у нас. Кончились деньки, когда крутани лишь задвижку — и пошла нефть. Отношение к бригадам все еще прохладное, из-за этого длительные простои скважин. Надо так принимать врачей, — заострил на главном, — чтоб они сами стремились на кусты. Кто, как не мы, операторы, знаем промысел, так будем им надежной опорой, будем извещать о каждой малости. Только откровенный разговор обо всем и наша общая заинтересованность обеспечат высокую добычу в будущем. «Ура» кончилось, наступили будни, когда меньше говорят, больше делают.

В красном уголке жарко, душно. У Николая Федоровича разболелась голова. Разволнованный, он в ту ночь долго не мог уснуть, сам с собой рассуждал: «Вот так всегда, печешься, хлопчешь, о чем мог бы и не хлопотать. Жить по принципу: «Моя хата с краю». Но ведь

чем острее, тем интересней, когда все тихо, гладко, не по нутру становится, маешься, впадаешь в апатию. Трудностей пока что с лихвой, и, значит, он нужен здесь».

За окном, как в день приезда Славы, порхал снег, и зарево Самотлора опаляло низкое мохнатое небо. Десять здешних лет пронеслись, отшумели как один день, всегда не хватало времени... «Во имя чего! — подумалось невольно. — Чтоб засветилось это зарево над болотами, протянулись во все концы нефтяные артерии! Высший смысл! Возможно, но он старался на любом «пятачке» — в Кинельнефти, в Отрадном. Так заквашен. Всегда хотел совершенства, но это невозможно, потому что производство развивается, каждый новый день требует пищи. Вчера — транспортные коммуникации, объекты нефтесбора, сегодня — мехдобыча. В первую очередь газлифт...»

107

Сразу припомнилась недавняя встреча с Арнапольским. Худощавый, с тонким нервическим лицом молодой человек, отправивший его до места на «Аннушке», уже тогда был фигурой примечательной — зачинатель Мегиона. Летом 1964 года принимал на работу Рыноквого. Отправлял танкеры с нефтью, принимал баржи с грузами, само управление пестовал. За одну ночь с архитекторами набросал генплан будущего города в его первоначальном варианте, проложил лежневки по хлябям, запустил первые скважины. Все он, Арнапольский! Не стеснялся, надев рукавицы-брезентовки, помогать операторам. Иные побаивались его за резкость, но Николай Федорович никогда: по справедливости главный инженер требовал. Впрочем, веских нареканий в свой адрес не помнит.

Самотлор открыли в 1965-м, еще не подозревая истинных масштабов открытого, считали вначале несколько продуктивных площадей разными месторождениями. Лишь через время пришли к разгадке. Скважина № 200, дав фонтан сразу с нескольких горизонтов,

заставила поторопиться. В зиму 1968/69 года смонтировали первую дожимную, подключили к ней скважины. Даже пытались осушить Мертвое озеро — спустить воду в Вах.

Весной, после того как дали нефть, Арнапольский из-за болезни сердца уехал, перенес в Белоруссии инфаркт, но в Нижневартовск все-таки вернулся. Города не узнал — настолько тот пораздвинулся, потеснил болота и тайгу. Знал ведь темпы и все-таки изумился, как бы вновь ощутил их. Попросился на работу к Кузоваткину. Роман Иванович, применительно к беспокойной натуре Арнапольского, поручил на сей раз газлифт.

Недавно встретились... Весь настроненный, возбужденно-порывистый Георгий Самуилович вошел к Рынковому и сказал:

— Нужен катерпиллер. Понимаешь, срывается график.

Казалось бы чего проще — пара обычных будничных фраз, но обратили на себя внимание.

Когда поздоровались, Арнапольский пригласил Николая Федоровича к себе в тесный, опустевший кабинет (дело было после работы) и придвинул чашку с чаем, рафинад. Себе налил. Прихлебывая мелкими глотками полуостывший, крутой заварки чай, глядя внимательно жгуче-темными глазами, с живостью расспрашивал оператора-ветерана о скважинах. Потом извлек из шкафа три увесистых тома в твердых картонках и с улыбкой сказал:

— Проект газлифта. Спасение от солей, порчи насосов и простоя скважин. Стоит поддуть попутным газом, и заглохшие оживут, начнут фонтанировать. Газ шустренько вынесет нефть на-гора, служа в данном случае безотказным подъемником. Газовый лифт — это и длинный межремонтный период, удешевление или попросту упразднение многих обременительных операций. Но, — опять многозначительно, — потребуются для газ-

лифта огромные работы и колоссальные затраты на компрессорные станции, трубопроводы, линии электропередачи, дороги, новые строительные тресты и объединения. Сколько всего! — взвесил на ладони тома в твердых картонках. Щека его подрагивала, дергалось левое веко — результат болезни и повседневного напряжения. И весь Арнапольский, как наэлектризованный. — К восьмидесятому году запустим пробную компрессорную, а всего их запроектировано четырнадцать. Объемные это, технически щепетильные сооружения. Уже сейчас шестнадцать скважин питаются газом из «шапки», к концу года таких скважин наберется до ста. Это газлифт бескомпрессорный, сам себя газ качает. Я каждый месяц составляю график обвязки скважин, связки газовых с нефтяными, и всякий раз трест Нижневартовскнефтестрой их срывает. Недавно выставили на куст бригаду, но пожарники запретили сварочные работы. Ни один вопрос легко не решается. Я своим внушаю: «Легче не будет». Хуже всего — институт на нет свел идею бескомпрессорного газлифта, а компрессоров достаточной мощности для закачки газа в пласт, увы, не производим. Мелочовка, она колоссальные деньги на обслуживание компрессорных потребует. Иностранные фирмы пообещали: «Будут. Сделаем, какие захотите». Да ведь когда!

109

Николай Федорович сам мало-помалу проникался озабоченностью Арнапольского, невозможно оставаться безразличным в такой ситуации, а Георгий Самуилович высказался категоричнее:

— Если не беспокоиться, зачем жить.

Таково его человеческое кредо.

...Все это до мелочей промелькнуло в памяти сейчас, и Николаю Федоровичу подумалось о том, что их общие усилия сводятся в конечном счете к большому поиску оптимального варианта разработки Самотлора — взять больше с наилучшими технико-экономическими

показателями. Разветвления этого поиска протянулись в главки, министерства, институты. Коснулись Госплана и Совета Министров страны.

Нефть и вода... Нефть и соли... Нефть и химреагенты... Нефть и холод... Нефть и попутный газ...

Проблемы, проблемы...

110 Из соседней комнаты доносилось ровное дыхание Славы. Торопливо, как настиганный, отстукивал такты будильник. Завтра рано вставать. Николай Федорович уместился поудобней, и скоро его дыхание слилось, вработалось в такт сыновнему.

Третий раз я у Нюняйкиных. Беседуем о прошлом и настоящем, заглядываем в будущее. Обстановка к этому очень располагает. Сегодня все в сборе: свободные от вахты Анна Михайловна, Слава, Юрий с женой Ириной и любимцем деда — Сережей.

— Как гвоздь, шустер,— гладит внука по волосам Николай Федорович.— Такое вот продолжение!

В интонации улавливаю гордость.

Канун Октября. На экране телевизора рубятся с остатками белогвардейцев буденновцы, скрещивают клинки, дыбят коней — трилогия Алексея Толстого «Хождение по мукам». В тон празднику.

С интересом рассматриваю семейные фотографии. Вот поле у речки Кинель, где Николай Федорович впервые увидел буровую. Сама речка с панорамой заливных лугов, радостные и смущенные молодожены... Все по хронологии. Городок Отрадный в его зачине, и Николай, Аня на нефтепромысле — Аня тогда отбирала пробы на скважинах.

— А вот здесь, на этом месте, наш дом,— протягивает Николай Федорович снимок.

Матерая, задичалая тайга, и Слава с Юрой среди сплошных стволов, на переднем плане отец — из-под руки всматривается.

— Уж не дупло ли!

— Да не нашли,— усмехается Николай Федорович.— Ни дупла, ни белки.

Запечатлены Юра за партой, Слава в хоккейной обмундировке. Это, так сказать, личная область, по семейной линии, но вот обмен партбилета, с Николаем Федоровичем беседует первый секретарь горкома... В горкоме Нюняйкин рапортует о выполнении соцобязательств, через плечо алая лента Почета и во всю ширину цифра добычи... Николаю Федоровичу вручают орден «Знак Почета» за восьмую пятилетку, среди награжденных и Рынковой, Иванов. За девятую пятилетку его наградили орденом Октябрьской Революции.

— Анна в тот день «Знака Почета» удостоилась,— сощурился в улыбке Николай Федорович.— За постоянство. До сих пор на групповой № 4, не сагитируешь на Самотлор.

— Привыкла, — разводит руками супруга. — Жалко как-то бросать.

Вместе с фотографиями — свидетельства «Почетный нефтяник РСФСР», «Отличник нефтяной промышленности», «Победитель в соцсоревновании», множество Почетных грамот и свидетельств. Есть они и у сыновей.

...Завтра до рассвета Юрий отправляется к себе в управление капремонта, Слава — первый раз после службы — в цех. Самый длинный путь — Анне Михайловне. С автостанции она пойдет в аэропорт, оттуда — вертолетом до месторождения. На сутки собирается.

— У них на Мегионском чистая добыча,— информирует Николай Федорович.— Скважины сплошь обводнились, и фонтана уже нет, качают насосами. Фонтанная нефть что! Сама живьем прет. Добыть и подготовить обводненную — заслуга. Отличных знаний, напряжения требует. Мы, операторы, это хорошо знаем...

— Верно, половина воды,— подтверждает Анна Михайловна.— Больше шансов заморозить скважины. Отправляемся попеременно с напарником Максимом Почуевым провести приборы. Если на нуле, срочно тревожим электрика — насос встал...

Операторы везде, во всем: берут пробы, измеряют давление и досматривают насосы, уровень жидкости в резервуарах, борются с парафином (есть и такой недруг!). На кустах, на сборных комплексных пунктах, на дожимных станциях — всюду они. Промысел без операторов невозможен, как самолет без пилотов.

— Старение,— предупреждает меня Николай Федорович,— явление закономерное, к нему будь готовым. Во время механизированной добычи, подними на высоту, организуешь капитальный и текущий ремонт...

Николай Федорович в ударе, ему хочется говорить о промысле и людях: о каждом в отдельности и в целом о коллективе. Как внедряют бригадный подряд, как при их, операторском, содействии изобрели трубчатый сепаратор, упразднивший обойму буллитов на эстакаде.

— Это вообще, а если в частности! — ловлю на слове.

— В частности... Кузница всего передового — Самотлор. До недавнего времени статотчеты готовили вручную, миллионы цифр переписывали. Теперь их «переписывает» машина и передает в вычислительный центр, в главк, министерство, ведущие институты. Всегда под рукой нужная информация. Пришла и на Самотлор автоматизированная система управления. Но потребности производства таковы, что обгоняют техническую базу. Из-за нехватки того да сего теряем дебиты. В частности,— вернулся к началу разговора,— пока лишь первая очередь автоматизированной системы управления — сбор информации. В полном объеме АСУ должна

«командовать» подготовкой нефти и закачкой в пласт воды, химикатов — одним словом, задавать технологические режимы. С ней поотстали, зато двутрубную систему сбора применили — сразу на кустах отделяем безводную нефть от обводненной, меньше хлопот с подготовкой. Минувя товарный парк, нефть попадает прямо в магистральную трубу. Быстро и дешево!

Ничто не безразлично ветерану. Его из-за обострившейся язвы желудка временно перевели с дожимной станции, и он тяготится этим, настаивает на возвращении. Все в труд, ничего для себя, разве что отпуск в родной деревеньке проведет, снова работа, работа. Заботы и тревоги...

Заметил еще фамильную черту Нюняйкиных — общительность. Без квартирантов или просто гостей не обходятся. Вот и сейчас навестил друг Юрия монтажник Миша Татаринцев с женой. После женитьбы Миша полгода квартировал у них, свадьбу справлял здесь же.

— Сами всю жизнь на людях, — говорит хозяин. — Люди для нас, и мы для людей.

Коммунист, дважды орденосец, оператор-наставник Николай Федорович еще и многолетний член парткома, заместитель председателя цехкома.

«Вот так бы наполненно жить и точный держать курс, не размениваясь на частности», — возвращаясь от Нюняйкиных, завидую в душе.

Зима наступила рано. За неделю до праздника поднялся резкий, холодный ветер со снегом, разгулялся в метель и за какие-то сутки намахал сугробы. Уже город оделся в шубы, ватники, скрипели по утрам саночки и детсадам, мелькали лыжники у леса за домами.

Внесла зима коррективы и на промыслы, заставила утеплиться, зорче досматривать скважины и технологические режимы. Николай Федорович назубок хозяйство знает и причуд погодных не боится — надежны станция и кусты.

Только теперь ощутил, как не доставало всего этого — на время болезни его определили в помощники директору профилактория, разговоры все административные: о столах да стульях, о простынях, туалетном мыле, а ему своего, нефтяного, хотелось. Сбежал при первой возможности.

Юрий фигурой, обличем весь в отца, только щеки круглей да морщин на лбу нет. А так и голос тиховатый, и голова в наклон, словно вдумывается во что-то. Я с ним сразу подружился. Юрий не то чтобы очень откровенный, но податливый на расспросы. Уже завзятый, со стажем, северянин. В семнадцать лет он слесарь контрольно-измерительных приборов и автоматики. Выучившись на шофера, водил «Татры», большегрузные «Магirusy», вот теперь оседлал громоздкий бойлер. У него явная тяга к внушительному. Ростом мал и комплекцией не богатырь, а уж заарканит, так заарканит коника.

Увязался я с ним в поездку. Рано утром пришел в комнатку на улице Маршала Жукова — Сережа и Ирина еще спали. Не зажигая света, Юрий натянул сапоги и спросил шепотом:

— Степлило!

— Так, — подтвердил я. — Всю ночь дождит.

— Самый раз, легче «динозавра» раскопечарить.

«Динозавр» — это, нетрудно догадаться, бойлер. В мороз он упрямый, как ишак, хоть плачь — не заводится. На остановке нас подбирает дежурная машина, и скоро мы уже у ворот управления капитального ремонта скважин. Управление еще молодое, можно сказать, зеленое, а врачевать ему весь Самотлор. Не успевают, срываются, мотивируя нехваткой техники и транспорта. Спрос на бойлер изрядный, не засидишься.

Отправляемся в северную часть — на территорию Белозернефти (от слов Белое озеро), тоже молодое

управление, выделилось из нефтегазодобывающего имени Ленина. Там главный инженер Александр Михайлович Силаев, атлетического сложения — созвучная фамилия, земляк Нюняйкиных. С Кузоваткиным один техникум кончал и потом пять лет строил Иркутскую ГЭС, лично знаком, близко общался со знаменитым Андреем Ефимовичем Бочкиным. Его прямые задания по электромеханической части выполнял. Уже после сдачи ГЭС госкомиссии очно закончил институт (хватило терпения) и с тех пор на Тюменском Севере: в Нефтеюганске начальником отдела капитального строительства послужил, в Нижневартовске — заместителем у Кузоваткина. Сверх меры заботливый волгарь, на самое-самое нацеливает:

— Елки-палки, кричите, воюйте, мне спать не давайте, но бездействующий фонд изживите. В гражданскую войну закрытые бакинские скважины едва-едва дышали, но тогда была интервенция, разруха, вынужденно консервировали, а сейчас какая бомбежка!

Пояснял на кусту, что в первую очередь лечить. Увидев Нюняйкина-сына, Александр Михайлович с чувством пожал руку:

— Ко времени поспел. Раствор закачай на соседний куст, мы без году неделя, а семьдесят скважин в освоении. Есть работка!

Но перехватил расторопный Рынковой.

— На озерный куст, сынок. Там закрутка, — тоном, не допускающим возражений.

И мы катим на Мертвое озеро. Баранка у бойлера громадная, Юрий как-то теряется за ней, но крутит збонитовое колесо с отчаянной решимостью.

«Динозавр» послушен его воле. С емкостью вместо кузова, с выпуклостями фар и массивной кабиной напоминает в самом деле доисторическое ископаемое. Словно недовольясь, урчит нутряно, простудно.

Бетонка врезается прямо в озеро, упрямое подо

льдом и снегом. В километре отсюда скважина-первооткрывательница, дожимные станции № 1 и № 2. Уже само Главное озеро, давшее имя месторождению, продырявлено-передырявлено. На прилепившихся к бетонке «пятачках» кусты скважин, колонки фонтанной арматуры рядком. И здесь Юрия встречают ремонтники. В дальнем углу озера столб огня, с пушечными гулами выстреливают ярко-красные клубы. Это выброс. Прощляпили буровики, и нефтяной газ рванул наружу. Сумей укроти! Газовая шапка под озером опасна и при ремонте, вот почему с нетерпением ждут Юрия с раствором.

День начался и истек, сумрачнеет пространство. Но радуют опознавательные для самолетов огни буровых, высвеченные электричеством сборные комплексные пункты и дожимные станции. «Динозавр», урча, очередную ношу тащит куда-то в сторону от прежних маршрутов. Столько исколесить за день!

Мне понятна фраза Юрия, произнесенная им однажды: «Весь Самотлор на виду». Вижу крепкие руки, прямую осанку и опять думаю: «В отца, рабочая стать». А Юрий о своем:

— В техникуме Саратовском, где учусь на механика, половина вартовчан,— сетует.— Лучше б его сюда перевели или филиал открыли, чем на сессии туда-обратно гонять.

«В отца и душой,— наворачивается мысль.— Беспокойный. Зря Николай Федорович опасался за сыновей». Говорю с легкой душой:

— Это хорошо: работаешь, учишься — практика механику не лишнее, сгодится. Ну а отношения с Ириной какие?

— Бывает, ссоримся. Отец у нас дипломат, быстро улаживает. Очень он Сережку любит.

— И Сережка его,— добавляю я.

— И он,— соглашается Юрий.— Взаимно.

Тепло. Дождь, съедая снег, обнажает мшагу, и кажется, что наступила весна.

Взлетел на второй этаж, призамедлился, передохнул и дверь рывком — на себя.

Все по-прежнему в лаборатории, даже стол со щербатинкой, расщелявшаяся половичка на месте. Но лица есть незнакомые.

117

Его обступили Анатолий, Женя.

— Наконец-то! Сегодня, сейчас же на Самотлор! На озерном кусту появились грифоны. Прорвавшийся в затрубье газ, сам знаешь, что может натворить, надо действовать.

— Я готов, вот только переоденусь, но все-таки где ваши удачные эксперименты по солям! Обещали...

— Это позже, вечером. Техсовет под председательством Кузоваткина.

Начальник цеха напутствовал:

— Исследования надо планировать заранее, не в последнюю минуту шубу шить. Процент обводненности, пластовое давление — все учитывайте. В Белозернефти велели оператору замерить забойное давление, не указав точно глубины, и он загнал манометр в отсекагель. Сколько труда потребовалось, чтобы извлечь его! Так что будьте осторожны...

Все впечатляло, бодрило: люди, разговоры, сама поездка — столько перемен! Закончен сборный комплексный у Главного озера — целый городок! Смогут отделять газ и воду. Только неискушенные представляют легкими нефтяные потоки в Сибири. Им неизвестно, что каждая тонна потом и нервами дается, и с каждым годом все хлопотней.

Сборный комплексный пункт — это технологически замкнутый цикл сбора и подготовки, он избавляет нефть от примесей.

Есть о чем порасспросить, над чем поразмыслить спустя два армейских года.

Мы встречаем Славу у аварийного куста. Вместе с ребятами он спускает трубки и трубочки, манометры, термометры, слушает «заболевшую» скважину, измеряет температуру. Чем точней диагноз, тем успешней лечение.

— С возвращением! — поздравляет Юрий.

118

— Спасибо,— щурясь от яркого света, улыбается Слава.— Однако жарко у вас, огонек эвон запалили под самое небо. А вообще-то доволен: я сегодня как роман с продолжением читаю. Размах, скажу тебе.

— Мне это со своего «динозавра» видней,— Юрий снисходителен.— За день обскакали месторождение.

— До побачения!

— Будь здоров!

Дождь все торочит, торочит, и одуряюще пахнет весной.

На техсовет Слава явился самоинициативно, без приглашений. После сегодняшней вылазки вдвойне хотелось узнать противоядия для солей — совсем замутили карбонаты кальция. Даже на поверхности трубы и задвижки забивают так, что автоген не берет. Отец постоянно жалуется. Что же наисследовали! Кузоваткин, крупный, непроницаемо-властный, кивком, жестом, скупой фразой — много не распространяясь, направляет техсовет.

— Лаборатория не очень хорошо вела дело. Надо объяснять факты. Факты произошли, а почему — не знаете. Поэтому и выводы расплывчатые.

Это он докладчику, зав. лабораторией, робеющему, неуверенному, как студент на экзамене. Пожурил Кузоваткин и отделы за отрыв от лаборатории: почаще заглядывать, общаться! Не только «судил», интересовался подробностями, сам предлагал, докапываясь до сути.

Не увиделось Роману Ивановичу «удачных экспериментов». По-прежнему соли одолевали оборудование, предстояла война с ними.

«Займусь проблемой,— твердо решил Слава.— Ради этого переведусь в инженерно-технологическую службу на скважины. Тем более что поступаю на факультет добычи Тюменского индустриального. По специальности это будет...».

На семейном совете решение одобрили, и теперь Николай Федорович ездил на месторождение с сыном.

119

Последние дни помучивал ревматизм. Должно быть, к непогоде, напророчили радиопрогнозы. Ветер впрямь шальной, знобкий, вытряхивает белых мух. Маричев посмотрел на часы: без двух минут семь, а Маликова нет. Закинул за шею сцепленные руки, посидел так. Каша, иначе не назовешь. Налезает одно на другое. В довершение пластовое давление упало. Упала и добыча. Это хуже всего: об их работе судят по тоннам в сводке. Пятнадцатую насосно-кустовую запустили, но где-то перехватило водовод, экстренно ищут ледяную пробку. Начальник отдела поддержания пластового давления Маликов этим занимается, должен сообщить, но уже семь, а его нет. Маричев снова посмотрел на часы.

В этот момент обитая дерматином дверь неслышно отворилась и словно огрузневший, приземистый Маликов переступил порог.

«Не нашли»,— понял Маричев, но все-таки спросил:

— Ну как!

— Все так же,— бросил Маликов, слегка потупясь.— Сделали все возможное.

— Все ли, Виктор Фролович! — резко, как со старта, поднялся из-за стола начальник Белозернефти.— Все ли! Запуск кустовой станции не самоцель, ты воду

в пласт подай. Знаешь! Элементарно! Так расставь людей по точкам, назначь ответственных. Ищи, ищи...

Маликов оправдательно:

— Один водовод продули, два других готовы к опрессовке. Завтра...

120

— У тебя все завтра, Виктор Фролович,— ударяет ладонью о стол Маричев.— Коли ты радеешь за нефть, должен знать хотя бы из любознательности: три-четыре тысячи тонн недодаем ежедневно. Нужен сварочный агрегат — проси! Сообщай мне, в главк! Почему я не знаю про электрику! Я не на Северном полюсе, мог позвонить, зайти. Просто-напросто занимаешься самоутверждением, собственным «я». Сегодня по пятнадцатой насосно-кустовой станции подписал приказ, раздал всем сестрам по серьгам, и на тебе сюрприз — пробка! Нельзя так заниматься пусковыми объектами. Кончились ладушки, когда резерв добычи имели.

По телефону вызвал начальника управления капитального ремонта скважин Кошелева:

— Борис, дай на завтра паровую установку отогреть водовод. Пусть то, что занаряжено, выходит. Без обмана. А то ведь надули на три паровых. Знаю, дефицит, нехватка, но и меня пойми. Успех сейчас решает работа со старым фондом, а не разбуривание новых скважин.

Маричев опять забрасывает руки за шею.

— Под дорогой должна быть пробка, там промерзло,— уже миролюбивей Маликову.— Нутром чую.

Виктор Фролович уходит.

«Не каша, громадистые утесы обступили,— размышляет Маричев.— Но ремонт скважин красной строкой. Подземщикам в первую очередь транспорт, материалы, жилье... Где его взять! В управлении добрая половина нуждающихся, спортзал нужен, профилакторий. Весь полагающийся производственно-бытовой комплекс. Куда ни кинь, везде клин...»

Начинать всегда обременительно. Так было в Башкирии, так и в незабвенном с января 1965-го Шайме. Всегда внушал себе: «За плохим сезоном будет хороший. Терпи и действуй». Сегодня вот освежил воспоминаниями пятнадцатилетней давности однокурсник Гайнутдинов: об Уфимском нефтяном, о друзьях-однокашниках... Озолин зав. отделом окружкома в Салехарде, Коля Ананьев еще дальше — в Тазовском, Глазков здесь... Непросто расстаться с Сибирью, по себе знает. Поживешь где-то, что-то сделаешь, и край этот становится родиной. В Шайме месяцами дома не находился. Вдоль и поперек искрестил Мортымьинскую, Трехозерную да Тетеревскую площади. Зато поднакопил опыта, закалки. Еще терпения к трудному. Сын насмотрелся на его обветренную жизнь, не хочет в нефтяники. А он вот любит свою работу. Что перед ней «утесы» и «каши», будет хороший сезон!

121

На выходе из управления его подхватил под руку главный инженер Силаев, как большинство высоких людей, сутулящийся атлет.

— Партию в теннис.

И они взялись за ракетки. Ломота в пояснице отстала, попросту забылась. Как в институтские годы, проворно отражал Маричев атаки напористого волжанина, а в голове назойливое: «Штурмуем насосно-кустовые станции, качество нефти улучшаем. Все службы в напряжении...»

Утром звонил в главк о заправке оперативных машин — урезали бензин. Как теперь скважины обслуживать!

Не успел положить трубку, подземщики с начальником цеха кудреватым Спицыным.

— Опять лишили пара.

Маричев нажимает кнопку аппарата, еще проникновенней прежнего Кошелеву:

— Борис, ну как же так! У меня люди сутками на

кустах. Закрайка месторождения, скважины малодебитные и возни с ними горы. Последнего шанса не лишай, Гаврилович.

Потом «маракують» со Спицыным о вспомогательной бригаде — всю технику ей, пусть курирует, грузит оборудование. Необходима такая при минимуме возможностей.

122 — Н. сбежал в Урай, — сообщает вдруг Спицын, — и С. просит перевода.

— Не давать! — Маричев категоричен. — По переводу заберет квартиру.

— Старшову бы, — Спицын бочком-бочком подвигается к столу. — Четыре года работает.

— У меня таких Старшовых семьсот, — устало отваливается на спинку стула Маричев, — и у каждого свои обоснования... Будем решать по списку очередности.

Так и сяк «маракують»... Попробовали затухающие обводненные скважины подсоединить к сильным, фонтанирующим, чтоб попутный газ выносил нефть на-гора. Но вместе с газом нефть из сильных скважин подтягивается — перетоки. То же на то же получается. Маричев и вызвал главного геолога:

— Твои соображения!

Сафин в принципе «за», но опасается:

— Лакнет скважина газку — и, пожалуйста, открытый фонтан. Требуются сложные исследования.

— У нас вся жизнь сложная, нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц. Поручи газлифщикам разработать технологию, транспорт на выезда я дам. Нам только пять месяцев, с бору по сосенке. На скважину с вилами бросаемся. Кто меньше имеет, искать и рисковать должен. Троекратно, десятикратно...

Проблемы и проблемки... Хочется с головой окунуться во что-нибудь цельное, масштабное, не переключаясь вот так на лету, мгновенно. Но уже брезжит

хороший сезон. Свой товарный парк отгрохали, и перекачивающая станция близка к запуску. Не просто сдвиг — большая победа, заживут теперь — кум королю, сват министру. А тут еще Маликов порадовал:

— Баста! Нашли пробку!

Водовод в действии! Знай поднимай пластовое давление. Ни часу, ни минутки ослаблений... Еще и восьми нет, а Маричев уже здесь. Совещание по нефтеперекачивающей. Сам по себе товарный парк не так много за сутки пропускает. В упряжке со станцией — вдвое больше.

Министерство жмет: «Принимайте!» С тысячью-то недоделок! Положеньице... Успеть бы до пуска подобрать «мелочовку». Наладчики еще на полпути, а уже подсовывают акты.

— Подпиши, Федор Николаевич. Мы это потом...

— Потом ишак умрет или еще что-нибудь случится, хватит пузыри пускать. — Смягчается под умоляющими взглядами: — Ладно, подпишу, но доколе множить, сплетать хвосты в этакый хитромудрый клубок!

В конце совещания появляется Маликов с известием чрезвычайным:

— Перевыполнили квартал по всем показателям!

Силаев подтверждает:

— Прибыльно сработали.

Не напрасны старания. Мысленно Маричев переносится на месторождение, где многое еще не обустроено, не завершено, и говорит решительно и твердо:

— Надо действовать еще решительней!

Главный инженер прижигает сигарету за сигаретой — излюбленный «Опал», и звучит частенько в речи: «елки-палки» — нервничает Силаев.

Технический руководитель, он в ответе за каждую задвижку, клапан, трубу, за весь арсенал добычи и

подготовки нефти. Все под давлением, взрывоопасно, ЧП не заставит ждать... Едва закончили совещание, звонок — резкий, тревожный: нефть у товарного парка, под факелом уже подбирается. Силаев — туда, к месту происшествия. В ложбине за бетонкой — пучок труб, попробуй разберись, где порыв, а нефть уже хлещет через бетонку.

В великой тревоге Маричев и Кузоваткин сгоняют технику, какая есть, в район аварии. Наконец возвращается Силаев.

— Доконали порыв.

Отлегло на душе у начальников управлений.

А в субботу, подъезжая к сборному комплексному, увидел Силаев чудовищно высотные, аж под сто метров, выбросы огня. Понял: встали насосы и нефть устремилась на факел. Больше некуда ей деваться.

— Операторов на скважины! — распорядился. — Отключить кусты!

Сам мотался по сборным пунктам и дожимным станциям и, когда электроэнергию дали, когда малопомалу ожили насосы, взял машинально у парнишки-шофера сигарету:

— Скучно, Ваня...

Каждая тонна нефти в конечном счете то, ради чего оттачивается оптимальный вариант разработки главного месторождения страны. Тонны нефти! Сколько выдано их! Сколько сил и умения потребовали! Теперь, чтобы поток на Анжеро-Судженск удвоился, перекачивающую запустить надо, всякая замедленность с ней подобна аритмии.

Неспроста председатель госкомиссии прилетел. Визитеры главка и министерства — явление здесь обычное, заурядное, но этот желанием, авось, подтолкнет наладчиков.

На станции принялся обследовать на взгляд и ощупь агрегаты. Силаеву перекачивающая понравил-

лась — технически совершенная, эстетически впечатляющая. Может, потому с легкой душой собирался вечером на торжественное, прибрался перед зеркалом, повязал галстук.

В фойе Дома культуры играл оркестр, многолюдно было. Александра Михайловича Силаева пригласили в президиум, и, оставив жену с сынишкой в зале, он поднялся на сцену к длинному кумачовому столу.

Чуть позже Маричев зачитает телеграмму министра: по итогам соревнования — первые в Союзе. «Но ударная вахта продолжается,— скажет Маричев.— Только в «красную» субботу дали нефти сверх плана две тысячи тонн, внедрили систему качества...»

125

После ознакомления со станцией он покинул шумную компанию. Газик вильнул с бетонки на грунтовую дорогу и, пробуксовывая в снегу, пополз вдоль громадины «тыщовки». Труба-то и занимала Александра Михайловича. Положили ее, чтобы спроваживать на завод попутный газ, да расплеснулась при недавнем порыве нефти. Принялись выжигать, труба и лопнула, покорибилась.

Дальше газик не пройдет. Оставив Ваню с машиной, Александр Михайлович отправился на своих двоих. Уже газика не видно, а черный с блестинкой распływ длится. Если выжигать — добрых трехсот метров трубы лишаться. Одинакового мнения повстречавшиеся Петр Плотников и Николай Федорович. Тоже разведывали.

К своему ученику на сборный комплексный пункт, что на территории Белозернефти, в дальней части месторождения, Николай Федорович приехал посмотреть новинку — терминал. Петр, все такой же по-мальчишески щуплый, проворный, в помещении инженерно-технологической службы, заместителем начальника которой является, звонил некоей Лидии Николаевне. Требовавал, отчитывал. Это на его участке загнали маню-

метр в отсекабель. Туда, на аварийную скважину, посылает Петр технолога Куприянова, а сам с девушками-помощницами составляет режимы на месяц, увязывая их с планом добычи. Считают, чертят.

После обеда возвращается Куприянов. Заглядывает в комнатку к технологам оператор Бабкин, только что с улицы, раскрасневшийся. Петр ему:

— На каких кустах был, Михаил Петрович! Отобрал пробы на сто семнадцатом!

— Запарка. Не успел,— утирает Бабкин пот с лица.— Завтра отберу.

— Надо бы сегодня,— настаивает Петр.

Николай Федорович доволен учеником. Может, не столько терминал, сколько самого Петеньку навестить хотел. Впрочем, какой уже Петенька — командир производства, геолог со стажем и высшим образованием. Показывает хозяйство оператору-наставнику... На эстакадах серебристые шеренги сепараторов, термохимическая установка. С эстакад будто на ладони виден каждый закоулок сборного комплексного, все сложное сочетание аппаратов, труб, резервуаров.

Казалось, истаяли заботы дня, но нет, Петр заывает Николая Федоровича на «тыщовку» — отсюда она протянулась. Николаю Федоровичу ситуация с порывом навевала воспоминания о первом в жизни, довоенном еще, фонтане, когда нефть захлестнула речку вместе с заливыми лугами. Сколько рыбы потравила в Кинели! Подстрелили утку, и ее есть нельзя: пахнет мазутом.

Чего греха таить, пачкают до сих пор водоемы. И хоть устал Николай Федорович, отправился с Петенькой. С трудом вытаскивая ноги из разжижившегося торфа, обследовали озера и озерца с толстой маслянистой пленкой. Вывод Силаева таков:

— Заполнить «тыщовку» водой и смыть с нее нефть. В местах прогибов срубить пригрузки — расслабить трубу,

— Все равно сгорит — не те меры.

Переубеждать Петра бесполезно. Отменно упрям, не стронешь с позиции. Все же настаивает Силаев:

— Обязательно смыть нефть... Нам план по газу доведен, нужна труба.

Его ждут сотрудники института, неделю изучавшие газонасыщенную нефть — как и какие уровни держать при отправке газа на завод. После сообщения научных сотрудников будет Силаев нацеливать начальника инженерно-технологической Орлова на этот вопрос вопросов:

127

— Мотай, Иосифович, на ус. Довольно голубому богатству пропадать в факелах. И про добычу помни. Без нефти и газа не будет.

Так одно за другим — текучка... Но Николай Федорович будет поглощен только участвовавшими из-за коррозии труб порывами. В погоне за нефтью об этом как-то забывают, умалчивают и травят безнаказанно среду. Он протестует. Но он всего лишь старший оператор с дожимной станции...

Про научный техсовет Николаю Федоровичу сообщил Георгий Самуилович Арнапольский.

— Якобы наиоригинальнейший вариант разработки Самотлора, конечно же, допзаданиями мотивированный, предлагает институт. Обеспечит максимум добычи. Мы, старые нефтяники с традиционными взглядами [старому нефтянику 42 года, ссылку на возраст надо понимать в преемственности опыта], считаем, что под добавки должны подвести технико-экономические показатели: закачку воды, механизированный фонд, объекты подготовки, транспорт, бурение. Новая схема, на оборот, — всего меньше, а отборы взвинченные. Может, они хотят выбрать все резервы, но это уже конь-

Юнктура, а не наука. Разговор о максимуме добычи шел еще с осени — срок, вполне достаточный для обсчета на электронно-счетных машинах. Посмотрим, однако, что обсчитали по нашей промысловой информации...

По самой сердцевине — по недрам — целился предстоящий техсовет! Николай Федорович ждал его с нетерпением.

128

На обсуждение собрались в красном уголке — из обоих управлений, полно народу. Сотрудники института загодя приколотили на тяжелых оранжевых портьерах таблицы, карты, диаграммы. К ним вышел Белов из промыслового отдела института и обрисовал состояние текущей разработки по пластам. Пока терпимое. Но механизированный фонд и система заводнения отстают — недостаточно пластовое давление.

Условия ухудшились, а план подскочил.

— Его можно выполнить только умом, — принял эстафету от Белова его коллега по научным изысканиям. — Если первые ряды скважин основного пласта Б-восемь после прекращения фонтанирования закрыть — вот он, гвоздь наизобретательнейшей методы — фронт жидкости двинется на вторые и третьи ряды. Дебиты увеличатся, но максимума все же не получим. А если выборочно или полностью при сорока процентах обводненности закрыть вторые ряды! На третьих, стягивающих, сосредоточатся огромные дебиты, и подскочит давление. Для разгрузки пробурить в стягивающих дополнительные скважины, максимум добычи тогда обеспечен.

Предоставится возможность изжить бескомпрессорный газлифт, при котором попутный газ все-таки сгорает — правая рука не знает, что делает левая. Потом в пласт нечего будет закачивать, и газовая шапка нарушена. Перетоки нефти пойдут в создавшийся вакуум. Ничего такого не произойдет при компрессорном газлифте, когда попутный нефтяной возвращается в пласт.

Назвал сроки выработки пласта по рядам до восьмидесятого года.

— Что же потом, после восьмидесятого! — вопрос доки Арнапольского.

— Может быть, с год продержимся на максимуме и начнем падать.

— Падать можно по-разному. В Татарии набрали сто миллионов и по миллиону-два спускаются. А если по сорок миллионов в год, чем перекроем падение? Водой! Провести бы вначале эксперимент и уж потом применить на Самотлоре. Чем все-таки грозит срочная пика отбора?

129

Ему возразил Силаев:

— Это единственная возможность выполнить пятилетку, но новая схема потребует совершенства систем заводнения, нефтесбора. У нас сейчас все рассчитано на сто миллионов тонн. В связи с этим необходимо пересмотреть обустройство. Прошу записать в протокол.

После техсовета Николай Федорович подошел к Арнапольскому.

— Ну как!

— Пока неясно, насколько дело перспективно, — остался при своем Георгий Самуилович. — Вот посчитают будущую пятилетку, тогда соглашусь.

— В чем же находишь резервы?

Николай Федорович знал, чувствовал каждый нерв месторождения, и всякая, казалось бы сторонняя, малость отзывалась в нем болью. В поре расцвета месторождение на правобережье Оби, в тысяче километров от Тюмени. Его жизнеспособность и при явных материальных «недохватках» обеспечивают самотлорцы.

— Один я — это мало, у меня, Федорыч, специализация: газлифт, — ответил Арнапольский. — Главк видит и действует шире. Так, Плотников!

Петр на техсовете задавал вопросы, сам выступал. Он тотчас посетовал:

— Претензии к буровикам месячные, а обустройство и освоение куста растягивалось на полгода. Целая беда. Так получалось, что буровики все время на пьедестале, а те, кто действительно дает нефть, оставались в тени. Метры сверкали таким знаменем на Тюменщине: «Дает рекорды!» Между тем осложнения технические и организационные множились, плотнели. И сдача скважин при догме: «Претензии действительны тридцать дней» — способствовала консервации скважин. Незавершенка росла. Новый начальник главка повернулся лицом к добыче, наверное, уяснил необходимость такую...

Николаю Федоровичу вспомнилось совещание в связи с допзаданиями. Подобно заместителю министра, начальник главка Муравленко интересовался Самоотлором всесторонне, не только скважинами.

— Подведите материальную основу под дополнительный миллион. Так просто не отдадим, — заключил в конце. — Недра, они, отдавая, себе просят. Разумней с ними. В южной части Самоотлора пластовое давление хорошее, смело разлепляйте скважины. На севере осторожней, Федор Николаевич, — кивнул начальнику Белозернефти. А потом в министерстве, Госплане со всей конкретностью заявил о нехватках.

После смерти Муравленко его заменил Феликс Григорьевич Аржанов, вкусивший производства еще в Отрадном. С Николаем Федоровичем в одном доме жили, повседневно общались.

Феликс Григорьевич первый пожелал в Сибирь.

Встретились они в Нефтеюганске. На промысле, в красном уголке, обернулся на стук двери играющий в теннис рослый Аржанов: «Федорыч! Откуда?» — «Из Нижневартовска. По проверке колдоговора» — «А я здесь с 67-го».

Потом взлет, он — главный инженер Главтюменьнефтегаза. И вот теперь — начальник.

Брошена фраза: «Ввести в бурение бригадный подряд». Предприятиям-соучастникам на скважинах разослана типовая документация по хозрасчету. С восторгом воспринял Петр в общем-то сухие, сугубо пунктуальные изложения:

— Кончилось «лишь бы» да «как бы». Пробыл и наш час!

Во-первых, Аржанов совместил обустройство с бурением, освоение скважин стук в стук за ним, без никакого интервала. Пробурили скважину — и тут же в работу, не дожидаясь разбуривания всего куста. И бурят, и сразу нефть дают. Цикл строительства куста по сетевым графикам сокращается... на пятьдесят-шестьдесят дней. Такой выигрыш! Оставил Аржанов право за специализацией, иначе какое же это ускорение, если и осваивать буровикам, но ответственности добавил.

— Придется им ломать психологию,— торжествовал Петр.

Из принятых скважин за каждую повоевал, чем навлек на себя недовольство. Время подтвердило его правоту: есть брачок — исправляйте, товарищи буровики, не гонитесь только за количеством!

Вскоре Аржанов приехал сам. Опять совещание в гостиничном зальчике, где весной проводил Муравленко. Опять по правую руку Кузоваткин, и отчитывался первым он же, а за ним — Маричев. Все то же, но иной тон Аржанова: наступательный, напорный — решительно настроен новый начальник главка.

— Смотрите, — прошелся Феликс Григорьевич вдоль стола, развернулся круто и снова прошелся будто перед строем. — Отсыпем площадку под буровую, получим премию, и пустует «пяточок». Спустя время «вышкар» по-быстрому смонтируют станок, получают вознаграждение, и снова тишь. Буровики и освоенцы, строители по тому же принципу... Все с премиями, с

опережением, а сроки прежние — 245 дней. Обман государства и самих себя. Впрочем, почему себя, если с премиями и в славе, — только государства! — связил Аржанов. — Составить и немедленно задействовать сетевые графики с указанием каждого этапа. Этот такого-то числа, а этот такого-то принимает и сдает его. Я через каждую десятидневку буду справляться по селектору, как идут дела.

132

Весь следующий день в управлениях занимались графиками, и, когда подбили бабки, проглянул выигрыш: по первым скважинам куста — 30, а на последних 10 суток. Лишь бы исполнители сетевых графиков справились.

С Аржановым заместитель министра, все он же, Владимир Иванович Кремнев, и цель визита та же — новое допзадание. Из 26 объединений 19 не выполнили план, в частности потому, что возмещали нефтью недодачу газа. Жгли ее в топках вместо топлива голубого. И это отразилось.

Добыча максимума предусматривалась институтом на 1980 год, но реализовали в 1978-м — такая неотложность.

Владимир Иванович просил взять на учет и под строгий контроль каждую скважину, оперируя уже не миллионами — тысячами. Хотя бы тысячи тонн изыскать. В свою очередь министерство поможет самоторцам, чем только способно. Спросил о «недодатках».

Их накидали предостаточно. Накануне приезда Владимира Ивановича основательно подготовились и цифры, над которыми велел поразмыслить, оставили без изменения.

Аржанов между тем действовал. Для него злобинский метод или, как поименовали, «эстафета», был лишь пристрелкой по мишени, затем последовал главный залп: Главтюменьнефтегаз перешел на трехзвенную

систему: управление — объединение — министерство. У нас в стране такая прогрессивная система известна сравнительно давно, но для Западной Сибири делалось исключение, хотя именно здесь, при огромных масштабах и концентрации производства, необходима трехзвенная, без излишеств и околичностей, система управления. А то ведь по каждому пустяку — в главк. Когда там успевали на звонки отвечать!

К имеющимся в стране объединениям добавились еще четыре. Нижневартовское — самое крупное.

133

На собеседованиях по изысканию резервов, как обычно, по правую руку от заместителя министра Кузоваткин, но уже — начальник Нефтеюганского объединения, а Маричев — главный инженер Нижневартовского. Силаев заменил его в Белозернефти, а Силаева — начальник инженерно-технологической службы Орлов. Ушел в объединение Георгий Самуилович Арнапольский.

Многого и многих коснулись перемены.

Привыкший к масштабности, Кузоваткин расценил Нефтеюганск как несправедливость.

— За что? Я столько вложил в Самотлор! — с горечью пожаловался на проводинах.

Его успокоил Арнапольский:

— Такова жизнь. Я не меньше вложил в Белоруссии, инфаркт поймел, а пришлось уехать. Проявишься, Роман Иванович, и в Нефтеюганске.

— И там будешь заметен, не место красит человека, — подбодрил Николай Федорович.

Поздравили Кузоваткина с Государственной премией СССР за успешное освоение Самотлора. И Николаю Федоровичу показалось, что это они поздравили друг друга и что премия — оценка работы всех.

На рассвете лаборантка Виктория присела на крыльчке культбудки подышать чистым воздухом. Вдруг грянул реактивный гром и стал постоянным, непреходящим, словно ТУ задержался в полете. Виктория увидела бегущую вахту: выброс! Газовый вихрь с песком и шламом — с человеческую голову камешки — выстреливал из-под буровой, но без огня. Вахта вернулась закрыть превентор.

Поздно, стихия разъела задвижку.

Так начался выброс на озере, за который Володю Ермакова сместили с мастеров. Это позже: после комиссий и разбирательств, а пока что неотлучно он здесь — похудевший, обметанный щетиной. По соседству в спешном порядке отсыпали площадку, благо глубина — полметра, и еще спешней монтировали вышку. Людей и механизмов на «пяточке» — не протолкнешься.

На аварии безвыездно главные инженеры объединения и нашего бурового управления, технологи, механики, газоспасатели из Куйбышевского отряда по ликвидации фонтанов. Вокруг все залепил грязевый дождь — в скважину пожарные машины качали воду, и она мешалась с песком. Чуть зазевался, приблизился к опасной, зафлаженной зоне, окатил тебя «душ».

Буровая свалилась и, поверженная, покрывалась серым налетом.

Все понимают чрезвычайность события: в центре месторождения — запальная свечка! Торопят «вышкарей», чтоб, забурившись, подобраться к пласту в сеномане и гидровзрывом разорвать, заглушить его. Каждый час и минута действий расписаны.

Успеть бы! Но ударила в поверженную вышку молния. Взвилось напорное, как из брандспойта, пла-

мя. Поутихнет, передохнет и опять с пушечными гулами как даст-даст. Земля гудит, вздрагивает под ногами.

На только что смонтированной буровой уже хозяйничает вахта Шаталина, все ближе подбирается к пласту долото. Стоп! Двадцать метров осталось. Тампонажные агрегаты, бойлеры принялись нагнетать воду, им помогают пожарные машины — готовы выпить озеро. Но пламя каверны вокруг скважины проело.

Утром третьего дня ворвался в культбудку Шаталин.

— Гля...

Пламя вдруг резко опало, словно втянутое чьим-то мощным вдохом. Всплеснулось и опять опало. Обработанные, все выскочили из культбудки штабного вагончика, сплошь забросанного грязью, окон не различить. Пожимают друг другу руки, друг друга поздравляют. К скважине, облачившись в каски, идут прямоком по мелководью, как библейские пророки по озерной шире: вот ведь не тонут! Хотя знаешь: глубина — сантиметры, но волны-то взаправдашние.

Виктория следом поспевает. И у нее втянулись щеки, заострился подбородок — перенервничалась. Студент-практикант собирается писать о фонтане диплом — как тушили.

— Лучше б их совсем не было, таких свечек, — говорит главный инженер объединения устало и дальнейшие заботы по ликвидации аварии передает буровикам.

— Страшное позади...

Но дневник дня диктует сам. И остается здесь до вечера.

Я смотрел на берег, на круговую индустриальную панораму, и снова вспоминал первый монтаж в тогдашней пустынности, Стражинского: «Где-то есть красивая жизнь!». Разве ж неясно — где! Но все-таки как быстро летит время на Самотлоре!

СОДЕРЖАНИЕ

134	ле	Где-то «красивая жизнь»	5
	гр	Первый монтаж	6
	дя	Свадьба	13
	де	«Я живу среди людей...»	16
	и	Испытательный срок	26
	ре	Свой причал	31
	за	Остаются собой	43
		Мой мастер	44
		В те памятные дни	55
	Ер	Право на эксперимент	64
	ми	Осенним днем	68
	зде	Жив почин!	74
	ств	Оптимальный вариант	81
	глу	На прежнем месте	134
	выи		
	тол		

нен
ник
вид
дож
и о
к о

рым

мест
рей
мане
ды
моли

ИБ № 542

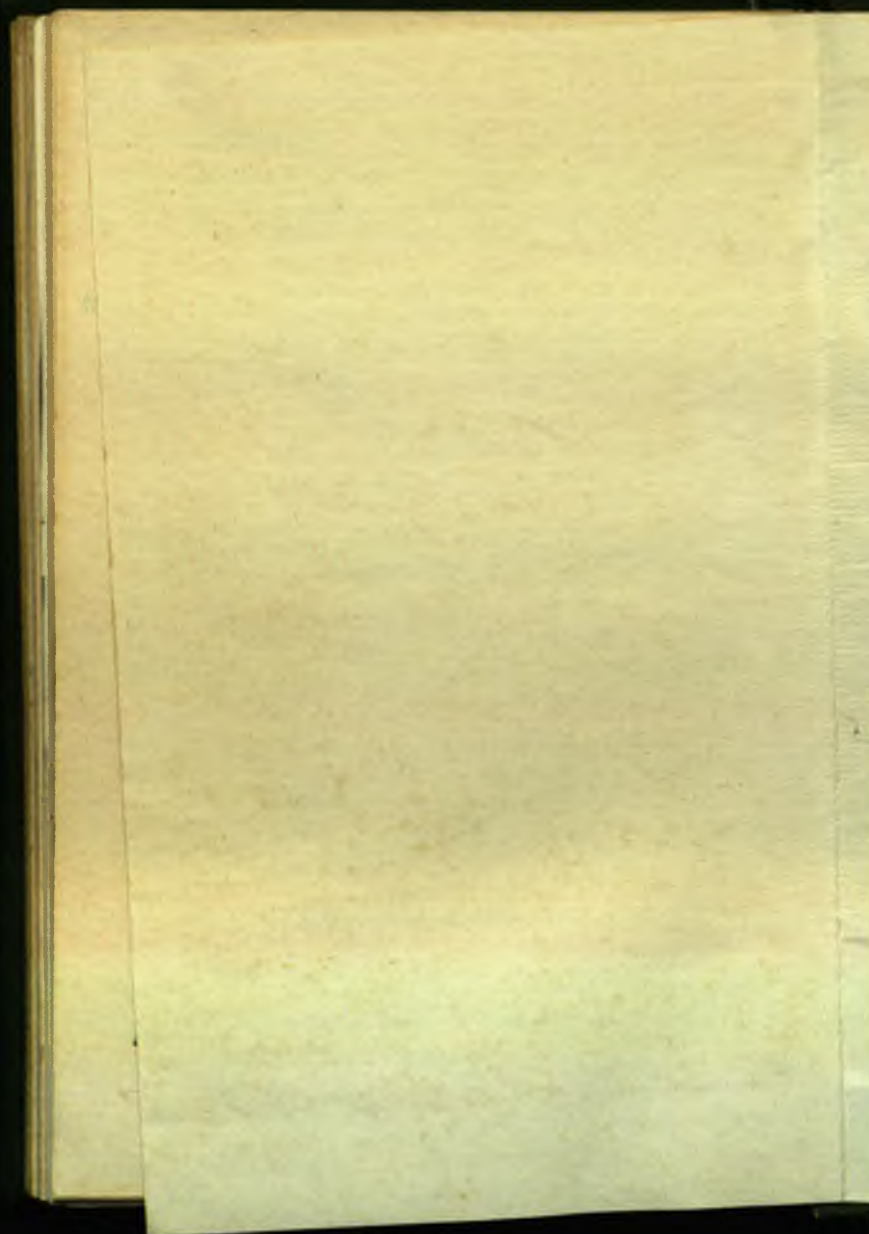
Николай Павлович Смирнов

ОПТИМАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

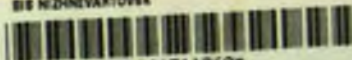
Редактор В. Г. Лошак. Художник И. П. Цаплин. Художественный редактор Ю. Н. Филаненко. Технический редактор Н. Н. Затулова. Корректоры И. П. Никитина, А. Г. Богородская. Сдано в набор 24/VII 1978 г. Подписано в печать 5/XII 1978 г. НС 12230. Бумага типогр. № 1. Формат 70×90/16. Уч.-изд. л. 6,4. Усл. печ. л. 5,6. Тираж 7000. Заказ 466. Цена 35 коп. Средне-Уральское книжное издательство. Свердловск. Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

5
6
13
16
26
31
43
44
55
64
68
74
81
34

вен-
За-
сам.
8 г.
64.
ше-
24.
де-

BIS NIZHNEVARTOVI

0961711060

